

елена ЛОГУНОВА

ЭКСМО

Елена и Ирка

Елена Логунова
Звезда курятника

«ЭКСМО»

2004

Логунова Е. И.

Звезда курятника / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2004 — (Елена и Ирка)

Настоящий вызов бросил неведомый преступник доморощенной сыщице Елене – прямо на ее балконе он зарезал гостя, спавшего сном младенца... Что ж, расследование начинается! Но таинственный злодей все время играет на опережение: один за другим гибнут все, кто хоть что-то знает об убиенном госте. И вот, похоже, настала очередь сыщицы – поток записок с угрозами в ее адрес не иссякает... Придется поднимать лапы вверх и сдаваться. А не хочется. Тем более, что у Елены есть бесценная подруга Ирка, которой тоже не занимать дедуктивных способностей. Совместными усилиями они разрабатывают операцию «подсадная утка» – и теперь до задержания злодея осталось всего несколько шагов...

Содержание

Воскресенье	5
Понедельник	21
Вторник	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Логунова

Звезда курятника

Воскресенье

Тот, кто придумал делить людей на сов и жаворонков, несомненно, имел скудное воображение. Разве можно уместить все многообразие человеческих типов в две категории?

Возьмем, к примеру, меня. Я не сова и не жаворонок, я гибрид, причем не самый удачный: лечь мне хочется пораньше, а встать попозже. Лучше бы, конечно, наоборот: просыпаться, как жаворонок, на рассвете, а отходить ко сну, как сова, глубокой ночью, но, как говорится, что выросло, то выросло.

Моя смешанная птичья природа редко дает сбой. Как правило, это случается в полнолуние. Не знаю, почему, но в такие ночи я страдаю бессонницей. Кто испытывал это состояние, когда спать хочется, но не можется, тот знает, насколько это мучительно. И не только для самой жертвы бессонницы, для окружающих тоже.

Вот вам понравится, если в ночной тиши, когда вы лично мирно спите и видите сладкий третий сон, какая-нибудь неугомонная личность из числа ваших родных и близких неприкаянно слоняется по дому? Стеная как привидение, стуча зубами о край стакана с валерьянкой, бормоча: «Триста двадцать шестая овца, триста двадцать седьмая...» и оттаптывая лапы голосистому, как Шаляпин, коту? Мои домашние в таких случаях демонстрируют полное отсутствие душевной чуткости, жалости и понимания. Вместо того чтобы подбодрить меня добрым словом или составить мне компанию в ночных бдениях, они некрасиво ругаются и более или менее метко бросают в меня разные подручные предметы. Хорошо, если это мягкие подушки! Однажды в юности соседка в общежитии в сердцах запустила в меня моей собственной курсовой работой. Непрошитые листы разлетелись по всей комнате, частично выпорхнув и в открытое окно, и наутро мы с соседкой на пару бегали вокруг жилого корпуса, без разборки собирая в кучу все замеченные окрест бумажки. Помнится, дворничиха была очень удивлена и даже рада.

Правда, иногда мне случается одно-другое полнолуние пропустить, так что железной закономерности процесс не имеет. Это хорошо, но есть и минус: я не знаю точно, когда меня «накроет» в очередной раз.

– Что, опять? – сквозь длинный зевок страдальчески протянул мой муж, когда я среди ночи выползла из-под одеяла.

В форточке, не прикрытой шторой с целью лучшей вентиляции помещения, масляной лепешкой висела омерзительно желтая круглая луна.

– Спи себе, – неприязненно буркнула я, обходя импровизированное лежбище на полу.

Вечером к нам неожиданно нагрянули гости, не пожелавшие расходиться по домам. Далеко за полночь я кое-как разместила две супружеские пары на спешно развернутых биваках: двое легли на диване в кухне, еще пара – на ватных одеялах на полу. Одиноким молодой человек по имени Дима улегся на надувном матрасе на открытом балконе, благо в середине апреля у нас на Кубани столбик термометра даже ночью не опускается ниже пятнадцати градусов. Вполне можно ночевать под открытым небом!

И вот теперь пять человек гостей, мой муж Колян и наш маленький сынишка в детской дружно и радостно похрапывают, одна я слоняюсь по дому как неприкаянная душа!

Строго говоря, и послоняться-то как следует было негде! Все помещения, включая даже незастекленный балкон, заняты спящим народом! Ни тебе чайку на кухне попить, ни на балкон выйти, чтобы повыть на проклятую луну!

Я взяла книжку и пошла с ней в туалет. Часа полтора читала новый дамский детектив, пока не почувствовала, что еще страничка – и меня доведут до приступа желчекаменной болезни описания нечеловечески красивой жизни, которую вела главная героиня, на зависть состоятельная женщина, она же – исключительно от нечего делать – частная сыщица. Я перевернула книжку и с укором посмотрела на украшающее заднюю обложку фото, запечатлевшее автора произведения – очень милую даму, всю облепленную, как компрессами, очаровательными котятами, щенками и дюжими морскими свинками. И хозяйка зверинца, и ее питомцы улыбались так широко и безмятежно, словно рекламировали не детектив, а зубную пасту. Вот, живут же люди и звери! В загородных особняках, где у каждого хомяка по собственной комнате! Небось не страдают ни от недостатка жилой площади, ни от бессонницы! А тут, куда ни сунься, всюду спят оккупанты и храп несется со всех сторон – звук со стереоэффектом!

Рассердившись, я зарыла недочитанную книжку в кучу приготовленного для стирки грязного белья, вышла из туалета и хлопнула ладонью по выключателю. Свет в санузле погас, и сразу стало темно – хоть глаз коли. Чертова луна из форточки куда-то подевалась, и я на цыпочках двинулась в сторону кровати, держась вдоль стенки, чтобы не наступить на спящих на полу гостей.

Совсем забыла про тапки!

Дело в том, что у моего мужа есть привычка оставлять свои тапки в самых неожиданных местах: слева от кровати, справа от нее, на углу, на ближних подступах в радиусе метра, на дальних рубежах, вплоть до коридора, или посреди торной тропы в туалет. В принципе, ничего страшного, но у меня, в свою очередь, есть удивительная, не поддающаяся никакому логическому объяснению особенность: где бы ни валялись мужские тапки, я их под покровом ночи непременно найду и споткнусь! Примагничивают они меня, что ли? При этом прошу принять во внимание тот факт, что уютным словом «тапки» в нашем случае называется не легкая комнатная обувь на картонной подошве, а довольно увесистые кожаные чуваки сорок пятого размера, так что случайная встреча с ними чревата довольно серьезным увечьем!

На сей раз зловерные тапки затаились у стеночки, вдоль которой я кралась, чтобы не наступить на гостей, ведущих половую жизнь, то есть спящих на полу. Гостям повезло, я никого не придавила, но, споткнувшись о трижды проклятые башмаки, свалилась сама – прямо на спящего Коляна! А туфля мужа, получив ускорение, полетела под кровать, врубилась в массивную ножку, срикошетила и чувствительно двинула под зад потерянную Масынькой игрушку – пластмассового бегемотика.

Этот инерционный гиппопотам носится по дому, как спятившая газонокосилка Стивена Кинга – пугающе клацающая челюстями с четырьмя зубами и при этом игриво помахивая хвостиком. Ну очень заводной бегемот – он врубается с полоборота, легким движением руки! Или, как в нашем случае, тапки...

Получив пинок, игрушечная зверюга выкатилась из-под кровати со скоростью мчащейся по тревоге пожарной машины и с разбегу цапнула за большой палец спящего Сашу. Несчастный, как на грех, имел неосторожность во сне высунуть ногу из-под одеяла! Взревев так, что позавидовал бы живой африканский прототип игрушечного гиппопотамчика, Саша брыкнул задней конечностью, и желто-зеленый бегемотик огромным жуком усвистел в сторону закрытой балконной двери!

– Дзин-н-н-нь!

– Ё-к-л-м-н!

– Ой, мамочки!

– М-м-м-м!

Разноголосые вопли, звон бьющегося стекла и шум падения невидимых в темноте предметов слились в единую какофонию. Матерился Саша, мамочку звала его жена Надя, а мычала

я сама: дезориентированный спросонья Колян, пережив мое неожиданное падение, набросил на меня одеяло и уже после этого присовокупил свой голос к общему хору:

– Вот он, тут, я его держу!

Не в силах вырваться из плена верблюжьего одеяла, я невнятно мычала оправдательную речь и с ужасом думала, что вот-вот умру от удушья в руках собственного мужа! Ну, чисто Дездемона! Спасибо производителям одеял из натуральной верблюжьей шерсти, не обманули, изделие и впрямь пропускало некоторое количество воздуха, так что я смогла продержаться в шерстяном плену пару минут, пока мои тюремщики включили в комнате свет и оценили обстановку.

– Он меня за ногу укусил, гадина! – провозгласил Саша, энергично помогая Коляну распутать верблюжий кокон, содержащий предполагаемого злоумышленника.

– А мне глаз подбил! – мрачно сообщил мой муж.

– И еще стекло расколотил! – прибавила Сашина жена Надя.

– А я-то тут при чем?! – заорала я, едва выпутавшись из кокона. – Я никого не кусала, никого не била, стекол не трогала!

– Здрасьте! – удивленно сказал Саша, почесав в затылке. – Это, оказывается, Ленка! Колян, ты зачем жену в одеяло спеленал?

– Кыся, это никак ты?! – обиженно воскликнул муж. – Зачем ты двинула меня в глаз, что я такого сделал?

– Ты тапки свои бросил поперек дороги! – плаксиво сообщила я. – И я об них споткнулась, и упала, и ударилась макушкой о твою физиономию, и еще руку о стенку ушибла, и-и-и-и...

– Не плачь, Леночка! – Надя присела рядом со мной на кровать и обняла меня за плечи.

– Больно, – пожаловалась я, потирая запястье.

На нем красовался широкий медный браслет. Впрочем, уже не красовался: падая, я сильно ударилась рукой о стену и помяла металлическое украшение, оставившее на моем запястье багровый след, обещающий в самом скором времени превратиться в большой синяк.

– Дай-ка я сниму с тебя эти наручники! – вызвался помочь мне Колян. – Кыся, зачем ты вообще напялила на себя этот обруч?

– В аптеке мне сказали, что это помогает от бессонницы! – призналась я, чуть не плача.

– Выбрось его, – посоветовал муж.

– Кстати, о спокойном сне, – сказал Саша, стыдливо кутаясь в покрывало. – Кому мы обязаны столь неприятным пробуждением?

Мы с Коляном переглянулись.

– Это я виноват, – мужественно взял на себя вину мой супруг.

– Уж извините, – пожала плечами я.

– Вы, наверное, частенько так веселитесь? – поинтересовалась Надя. – С криками и битьем стекол? Я смотрю, Масынька даже не проснулся, должно быть, привык!

Я поспешно вскочила с кровати и рысцой сбегала в детскую, чтобы проверить, не проснулся ли малыш. Ребенок крепко спал, улыбаясь, как Джоконда. Я поплотнее прикрыла дверь в детскую, вернулась в гостиную и сказала народу:

– Все в порядке, Масынька спит.

– Андрюха с Галкой, похоже, тоже, – сказал Колян. – Либо дрыхнут как сурки, либо осторожничают, выжидают, пока у нас станет тихо. Небось мордобоя опасаются!

– Когда это у нас бывал мордобой? – возмутилась я.

Колян выразительно потер свое заплывающее око. Я осеклась и виновато замолчала.

– И Дима тоже спит как ребенок, – заметил Саша, выглянув в разбитую балконную дверь.

– И зачем только ты, Кыся, закрыла на ночь балконную дверь? – посетовал Колян. – Подумаешь, комары налетели бы! Зато бегемот улетел бы совершенно беспрепятственно! А теперь придется вставлять новое стекло!

Я подошла к двери, тоже заглянула в сквозную пробоину, вздохнула и сказала:

– К вопросу о разбитом стекле: Диму придется разбудить. Его осколками засыпало, не дай бог, будет во сне ворочаться, поранится еще!

– Дима, ау! – приглушенным басом позвал Саша, приблизив губы к отверстию в стекле.

– погоди, ты неправильно делаешь, – остановил приятеля Колян. – Так ты его можешь напугать. Он спросонья вскочит и как раз напорется на битое стекло! Надо выйти на балкон и тихонечко потянуть его за плечо.

Стараясь не стукнуть створками, мы открыли двойную дверь, и Саша, как самый subtilный из присутствующих, протиснулся на балкон, почти полностью занятый вольготно раскинувшимся Димой.

– Дима, проснись! – нараспев позвал он, подергав одеяло, укрывающее спящего с головой.

Одеяло сползло, и в лунном свете нам открылась бледная физиономия с широко открытыми мертвыми глазами!

Саша взвизгнул и отпрыгнул с балкона назад, в комнату, свалив с подоконника кактус. Колючий зеленый шар упал на босую ногу Нади, она тоже взвизгнула и села на пол, поджимая раненую ступню.

– Спокойно, все остаются на своих местах! – дрожащим голосом скомандовала я. – Коля, бегом к телефону!

– Как, не сходя с места? – огрызнулся Колян.

– Протяни руку и возьми с полки мой мобильник! – велела я. – Набирай ноль-два! Скажи, что у нас тут труп, пусть приезжают поскорее, только, ради бога, без сирен и мигалок, чтобы не разбудить малыша!

Усталый дядька, которого обвисшие щеки и глаза в темных кругах делали похожим на бамбукового медведя панду, шагнул в комнату, открыв рот для какой-то грозной речи.

– Т-с-с! – с упреждением зашипела я, прикладывая палец к губам. – Говорите, пожалуйста, тише!

Товарищ Панда остановился и обвел внимательным взглядом группу граждан, задранированных в мануфактурные изделия сообразно собственным вкусам: Саша соорудил римскую тогу, Надя наворотела на себя пестрое покрывало на манер индийского сари, Колян остался топлесс, сварганив из большого полотенца довольно изящный саронг. Я в спешке не эстетствовала и просто обернулась простыней, завязав ее на груди, поэтому смотрелась как застенчивая деревенская купальщица. Характерно, что никому из нас не пришло в голову одеться, хотя время для этого у нас было!

Товарищ Панда кашлянул и произнес, как я просила, шепотом:

– Где труп?

– Труп на балконе, – с готовностью сообщил Колян. – Мы не стали его трогать, лежит, как лежал!

Товарищ Панда кивком указал направление троице суровых парней, возникших на пороге, как сказочные «Трое-из-ларца, одинаковы с лица». Мужики перестроились в колонну по одному и гуськом проследовали к балкону. Что примечательно, на цыпочках!

– Есть? – негромко спросил Панда передового бойца, выбравшегося на узкий балкон.

Остальные «Двое-из-ларца» застопорились у разбитой балконной двери, приблизив озабоченные лица к бреши в стекле.

– Есть, – приглушенно отозвался первый.

– Отлично, – невпопад сказал Панда.

Кашлянув, он снова посмотрел на нас и спросил:

– Что это было? Семейная сцена, драка, пьяный дебош?

– Ничего подобного не было! – возмутилась я.

– А синяк откуда? – Панда бестрепетной рукой указал на подбитый глаз моего мужа.

Колян растерянно моргнул и пощупал подпорченное око.

– Это я на него упала и ударила головой в лицо, – честно призналась я. – Случайно.

– А у вас на руке синяк, – заметил глазастый Панда. – Откуда?

– От браслета, – сказала я. – Ударилась рукой о стену, когда падала. Ну, на мужа! Когда глаз ему подбила.

– А кто разбил стекло? – спросил Панда, явно не поверивший ни единому моему слову.

– А вот это уже не я, это бегемот! – обрадованно ответила я.

– У вас есть бегемот? – спросил Панда у молчаливого Саши.

Очевидно, как единственный не травмированный среди нас, он внушал больше доверия.

– У нас был бегемот, – поправил сыщика добросовестный Саша.

Панда крикнул и после короткой паузы недоверчиво спросил:

– А где же он сейчас?

– Улетел, – легко ответила Надя, махнув рукой в сторону разбитой двери.

– Он улетел, но обещал вернуться, – вполголоса процитировал Колян фрекен Бок из мультика про Карлсона. – Милый, милый!

Уверена, что муж вовсе не издевался, цитата выскочила из него сама собой, просто потому, что этот мультфильм в персональном хит-параде нашего малыша стоит на втором месте – после «Простоквашина».

– Перелетный бегемот, значит, – остро прищурившись, резюмировал Панда. – Отлично.

– Если он вам нужен, я могу сбежать на улицу и поискать его под балконом, – вызвался Колян.

– Скорее всего он найдется на клумбе под окном, – предположила я.

– А что...

В кухне, где с вечера улеглись спать Андрей с Галей, длинно скрипнул диван. Не договорив, Панда развернулся на звук. Остекленная дверь, занавешенная для пущей звуко- и светонепроницаемости плотной шторой, приоткрылась, и в щель спиной вперед протиснулся Андрюша – всклокоченный, с томно прикрытыми глазами. Впрочем, первым взглядам присутствующих явился Андрюшин зад, туго обтянутый трикотажными семейными трусами веселенькой расцветочки «божья коровка».

– Классные подштанники! – восхитился Колян. – Примитивизм! Кыся, купи мне такие же! Очень оптимистический рисунок!

Прикрыв за собой дверь в кухню, Андрюша развернулся и нетвердым шагом лунатика проследовал в туалет. Бодрое журчание сменилось шумом водопада, и секунд десять спустя Андрюша вновь появился в коридоре. Руки у него были мокрые и лицо тоже.

– О, а вы вовсе и не спите? – обрадовался Андрюша, с запозданием разглядев группу товарищей, облаченных в полотняные изделия постельно-бельевого ассортимента.

Громко кашлянул товарищ Панда.

– Добрый вечер, – увидев незнакомого человека, приветливо сказал ему окончательно пробудившийся Андрюша. – Мы с вами, кажется, знакомы? Я Андрей.

Панда машинально пожал протянутую ему руку и с недоумением посмотрел на свою увлажнившуюся ладонь.

– Капитан Потапов, – наконец-то представился он.

– Слушай, Ленка, хочу тебя попросить: пусть в следующий раз на корове спит кто-нибудь другой! – сказал между тем Андрей, обращаясь ко мне.

Поскольку спальных принадлежностей в доме оказалось меньше, чем заночевавших гостей, подушек на всех не хватило. Собственно, их было всего две, и я решила, что будет справедливо, если на подушках возлягут те, кто устроен с наименьшим комфортом, то есть спящие на полу. Дима на балконе в подушке не нуждался, он удобно расположился на надувном матрасе, у нас с Коляном под головами была свернутая шуба, а Андрею и Гале я выдала пару больших мягких игрушек – корову и слона. Как они делили плюшевую живность, я не вникала.

– У вас там корова? – напряженно моргнув, спросил у меня капитан Потапов.

Я не успела ему ответить.

– Это кто тут корова?! – обиженно вскричала невидимая Галка.

Через секунду она прорвалась сквозь занавески и остановилась в коридоре, уперев руки в боки. Бока были мясистые, гладкие, и, откровенно говоря, некоторое сходство с упитанной буренкой Галя действительно имела, в чем все присутствующие немедленно убедились: торопясь выяснять отношения, Галка прибежала в negligé, состоявшем из просторных хлопчатобумажных трусов фасона «Прощай, молодость!» и плотного сатинового бюстгалтера пятого размера.

Ничего не говоря, я выдвинула ящик комода, достала чистую простынку и протянула ее приятельнице.

– Я извиняюсь, – изменив тон, произнесла Галка.

Она с признательностью приняла простынку и в момент смастерила из нее подобие кавказской бурки. Распахивающиеся полы Галка стыдливо придерживала руками.

– У вас на кухне живая корова? – терпеливо повторил вопрос капитан.

– Нет, там корова неживая, – так же терпеливо ответила я.

– А где живая? – спросила Галка, заинтересованно озираясь.

– Нигде, – оборвала ее я. – Во всяком случае, не у нас. У нас только мертвая.

– И слон тожедохлый, – поспешил вмешаться Колян.

– Еще трупы? – с неподдельным интересом спросил от балконной двери кто-то из товарищей капитана.

– А что, собственно, случилось? – запоздало, хором поинтересовались Андрей и Галя.

– Диму убили!

– Надо же! – ахнули супруги.

Но настырный оперативник не дал им задать никаких вопросов, а спросил сам:

– Так кто еще умер?

– Лена, Коля, ну почему вы не объясните товарищу Медведеву все по-человечески? – воззвала к нам с Коляном рассудительная Надя. – Слон и корова – это игрушечные звери.

– Я Потапов, – сказал капитан.

– Медвежья фамилия! – прыснула Галя, прозрачно намекая на известный рассказ Чехова.

Я строго посмотрела на нее и про себя несколько раз повторила: «Потапов, Потапов, Потапов!» Не дай бог, вслух назову капитана Пандой! Тоже ведь медведь, только бамбуковый.

– А что у вас в этой комнате? – Панда шагнул к двери в детскую.

– Стоп, туда нельзя! – Я решительно преградила ему дорогу, раскинув руки, как огородное пугало. – Там у нас Масяня!

– Он что, кусается? – съязвил Панда.

– Нет, он спит. – Я даже не улыбнулась.

Панда перевел взгляд на Коляна и спросил:

– Масяня – это кто? Еще один бегемот, слон или корова?

– Нет, это мальчик! – покачал головой мой супруг.

– Мальчик Масяня? – с непередаваемой интонацией повторил Панда. – Отлично.

Он посмотрел на своих спутников, как мне показалось, вопросительно.

– Может, одиннадцатую бригаду вызовем? – предложил «Второй-из-ларца», с готовностью отцепляя с поясного ремня мобильник.

– Это психиатричку, что ли? – напряглась я. – По-вашему, мы похожи на сумасшедших?!

Товарищ Панда выразительно оглядел меня с головы до ног. Под этим тяжелым взглядом окутывающая меня простыня сама собой разматалась и медленно поползла вниз.

– Ой! – воскликнула я, подхватывая полотнище на уровне бедер.

– Отлично, – в смущении делаясь бурым, как шишкинский медведь, невпопад пробормотал Панда.

– Спасибо, – так же невпопад ляпнула я.

– Мне тоже нравится, – присоединился оживившийся Колян.

– Супер! – заржал «Третий-из-ларца». – Стриптиз в дурдоме!

Надя натянула повыше верхний край своего покрывала, Саша нервно захохотал, и тут балконная дверь громко стукнула и в комнату боком протиснулся «Первый-из-ларца».

– Холодное оружие в доме есть? – деловито спросил он.

– Значит, Диму зарезали, – озвучил свои мысли сообразительный Саша. – А я-то еще надеялся, что его бегемотом зашибло!

– Послушайте, – проникновенно сказал ему Панда, ероша головную шерсть. – Давайте оставим в покое версию с перелетным бегемотом. Вас спросили, есть ли в доме холодное оружие, вот и отвечайте!

– В принципе, у нас все оружие холодное, мы обычно только еду разогреваем, – рассудительно сказал Колян. – И то не трижды в день!

Тут супруг с укором посмотрел на меня.

– Игрушечные мечи, сабли, стилеты не в счет? – уточнила я, пропустив мимо ушей намек на то, что я нерегулярно готовлю горячее. – А то у Колюшки арсенал – дай бог такой же полку спецназа!

– Кто есть Колюшка? – с трудом сдерживаясь, спросил Панда.

Я заметила, что у него начал дергаться правый глаз.

– Товарищ Топтыгин, вы не волнуйтесь! – проникновенно сказала добросердечная Надя. – Хотите, я накапаю вам валерианки? Или принесу успокоительных таблеток?

– Потапов! – взвизгнул Панда.

– Каких потапов? – не поняла Надя. – Что такое – потапы?

– Я спрашиваю, кто такой Колюшка? – с рычанием спросил капитан.

– Это мальчик, – повторил Колян.

– Еще один?

– Мальчик и еще мальчик! – заржал Саша, некстати процитировав «Служебный роман». Прорвало народ на крылатые выражения!

– Два в одном, – примирительно сказала я, тоже процитировав популярный рекламный ролик. И для лучшего понимания выдала туповатому Панде ряд синонимов. – Масяня и Колюшка – это один и тот же мальчик. Ребенок. Человеческий детеныш.

– Наш, – поторопился вставить Колян.

Товарищ Панда закрыл глаза, крепко потер переносицу и с чувством произнес:

– А идите вы все... в комнату к своим детям! Быстро!

Я открыла было рот, но Панда тут же гаркнул:

– И молча!

Гуськом мы протопали мимо каменно замершего Панды в спальню к Масяньке. По пути завернутый в тогу Саша зачем-то провозгласил, как древнеримский гладиатор:

– Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!

– Не надо про покойников, накаркаешь еще! – подтолкнула его в спину рассерженная супруга.

Последней заходя в детскую, я потихоньку стянула с книжной полки оставленный там Коляном мобильник. Почему потихоньку – сама не знаю. Мне подумалось, что рассерженный Панда будет возражать против наших контактов с внешним миром.

В детской, освещенной слабым светом ночника, все расселись на пушистом ковре в кружок, что несколько смахивало на пикник на травке. Вероятно, поэтому наше настроение несколько улучшилось. Под приглушенные смешки и перешептывание присутствующих я набрала нужный номер и позвонила нашему доброму приятелю, профессиональному сыщику и тоже капитану – Сереге Лазарчук.

Трубку долго не снимали, и я уже почти отчаялась дозвониться, когда услышала долгожданный отзыв:

– Капитан Лазарчук...

– Я знаю, что ты капитан Лазарчук, – торопливо заговорила я, прикрывая трубку ладонью. – Это я, Лена.

– Я понял, что это ты, – хрипло произнес приятель. – Кто еще позвонил бы мне в половине пятого утра? И наверняка с какой-нибудь гадостью!

– Сереженька, нам нужна твоя помощь! – заныла я. – Срочно! Понимаешь, у нас тут труп!

– Я не стану его прятать, даже не надейся! – поспешно сказал Серега. – Тем более срочно!

Мысленно я отметила эту оговорку: значит, если мне понадобится избавиться от какого-нибудь трупа без лишней спешки, капитана вполне можно будет привлечь к этому процессу!

– Серый, я не собираюсь его прятать! – сообщила я. – Куда мне его прятать? Квартира малогабаритная, а труп – здоровый мужик! То есть уже, конечно, не здоровый, какое здоровье у трупа... Но в нем не меньше восьмидесяти кило, в моем доме нет подходящих тайников, он никуда не поместится!

– Расчленивать не советую, – душераздирающе зевнув, сказал капитан.

– Сдурел? – рявкнула я. – Кому это нужно его расчленивать! Лежит себе на балконе, целый и невредимый, только зарезанный!

– Вызывай оперов, они организуют вынос тела, – посоветовал Серега.

– Уже! – воскликнула я. – Следственная бригада, или как там у вас это называется, уже здесь! Брось ты беспокоиться о трупе, о нем заботятся «Трое-из-ларца» и капитан Мишкин!

– По-та-пов! – дружным шепотом проскандировали Колян и Саша.

– Потапов! – повторила я.

– Я Лазарчук, – напомнил Серега.

– Я знаю, что ты Лазарчук! – начала я сердиться. – А еще ты наш друг и тоже опер, поэтому я хочу, чтобы ты приехал и объяснил своим коллегам, что мы не сумасшедшие...

– Не могу за это поручиться, – вставил ехидный капитан.

– ...потому что Панда, как услышал про бегемота, корову и слона, так совсем озверел, – не обращая внимания на насмешки, закончила я. – Боюсь, как бы он нас не арестовал!

– Не знаю, о каких животных ты говоришь, но идея арестовать тебя мне лично очень нравится, – признался приятель. – Насколько спокойнее жилось бы окружающим!

– Лазарчук, если ты немедленно не приедешь, я тебя убью! – придушенно рявкнула я в трубку.

– Одного трупа тебе мало? – укорил меня Колян.

Андрюша выразительно кашлянул. Я отклеила от уха трубку мобильного и посмотрела в сторону двери. Она была приоткрыта, и на пороге стоял Панда. Капитан смотрел на меня тяжелым взглядом, парализующее воздействие которого снижал только нервный тик.

– Я никого не убивала! – поспешила заявить я.

– Пройдите в кухню, – велел мне капитан. – Хозяин дома – в ванную, гости мужского пола – один в туалет, другой в гостиную. Одна из женщин выйдет на балкон, вторая подождет в коридоре.

– Ну, нет, я на балкон не пойду! – заявила Галя. – Я покойников боюсь!

– Тело уже вынесли, – сообщил Панда. – Делайте, что вам велено!

– Их четверо, значит, Галю и Надю будут допрашивать во вторую очередь, – прошептал мне на ухо Колян.

– А можно мне на допрос во вторую смену? – попросила я Панду. – Я бы покараулила малыша, пока Колян освободится. Не хочется оставлять ребенка без присмотра, столько народу в доме, в том числе совсем чужие люди! Маша увидит незнакомого человека – испугается!

– Я могу пойти вместо Леночки, – вызвалась добрая Надя. – Вы со мной быстро закончите, я в основном спала и мало что видела. Собственно, только то, что было после полета бегемота.

– Ладно, – буркнул Панда, отступая в гостиную.

В открытую дверь потянулись граждане в простынях и покрывалах. Я проводила их взглядом, пересела на табурет у кровати спящего малыша и отправила в адрес Сереги Лазарчука мысленный послы такой мощности, что друг-сыщик должен был ощутить его как целенаправленный пинок.

В девятом часу утра я стояла на опустевшем балконе, барабанила пальцами по перилам в такт своим мыслям. Поскольку мысли эти нервно скакали, получалось что-то бравурное.

Сыщики во главе с капитаном Пандой-Потаповым убралась восвояси и унесли с собой мертвое тело, прихватив за чем-то и надувной матрас, на котором оно покоилось. Кроме меня, людей в настоящий момент в квартире не было – ни живых, ни мертвых. Гости разбежались, как только им позволил суровый Панда, а Коляна с Машенькой я сразу после завтрака выгнала на прогулку. Сама осталась дома под предлогом необходимости навести порядок в квартире.

Честно говоря, никакого особого беспорядка менты у нас не произвели. Колян, когда он поутру, уже опаздывая на работу, спешно ищет свои ключи, часы, бумажник и мобильник, производит гораздо больший беспорядок – нечто среднее между еврейским погромом и налетом торнадо.

Я протерла влажной тряпкой затоптанный оперативниками пол, вымыла кофейные чашки, аккуратно составленные сыщиками в мойку, и расставила в соответствии с заведенным порядком сдвинутые с места предметы, в том числе и наш семейный фотоальбом. Примчавшийся по тревоге Лазарчук за чем-то показывал его Панде. Интересно знать, с какими комментариями? Я немного тревожилась: в альбоме было немало снимков, которые в свете случившегося ночью ЧП могли скомпрометировать и хозяев дома, и некоторых гостей. Особое беспокойство в этом смысле у меня вызывало постановочное фото, запечатлевшее моего мужа, Сашу и Андрея с пятиметровым скульптурным крокодилом. На снимке Андрюха с самым страдальческим видом корчился в полнозубой пасти аллигатора, Колян, напрягая бицепсы, силился захлопнуть челюсти рептилии, а низкорослый лопухий Саша, помогая Коляну, взбесившимся Чебурашкой скакал на голове монументального Гены. Притом лица у моего мужа и у Саши были такие, что не возникало никаких сомнений в их способности шутя-играючи совершить жестокое кровавое убийство.

Впрочем, надо отдать должное Лазарчуку, он оказал на Панду благотворное влияние, и никого из нашей компании сыщики не забрали. Кроме Димы, разумеется. Однако у меня не было уверенности в том, что все мы вне подозрений в совершении убийства.

Строго говоря, я не подозревала только саму себя и Машеньку. Точнее, в обратном порядке: Машеньку и себя. Ребенка можно было исключить уже потому, что он пока не научился самостоятельно выбираться из кровати – хотя ходить очень даже умеет! Просто у кровати очень высокий бортик, мы его специально подняли, чтобы исключить возможность несанкционированного выпрыгивания младенца, так что Маша сам вылезть наружу не мог. А в отношении своей собственной персоны легкая тень сомнения у меня все же была.

Прежде чем бессонница окончательно меня одолела, я еще пыталась с ней бороться и некоторое время провела в зыбком полусне. Минут десять-пятнадцать, не больше, но этого срока вполне могло хватить, чтобы выйти на балкон и прирезать спящего там Диму. Я живо представила, как это могло быть: вот я, типичный сбрендивший лунатик, выползаю на балкон и замахиваюсь большим кухонным ножом... Дальше этой пугающей картины дело не пошло: я так и не смогла придумать мотивацию преступления.

С некоторой натяжкой, но себя я оправдала, однако остальные пять человек – Колян, Саша с Надей и Андрей с Галей – остались в моем списке потенциальных убийц, и это меня очень огорчало. К сожалению, хотя я и бодрствовала приблизительно с двух до четырех часов ночи, но провела это время в туалете за чтением детектива и поэтому не могла засвидетельствовать алиби присутствовавших. Пока я следила за вымышленными приключениями героини книжки, Колян, Саша, Надя, Андрей и Галя поодиночке или группой свободно могли ухлопать практически неограниченное количество народа!

Более того, в это время в квартиру вполне мог проникнуть кто-нибудь извне! Входная дверь запирается всего на один замок, о ненадежности которого Лазарчук неоднократно предупреждал меня, говоря, что он «открывается плевком, пинком и волшебным словом». Таким образом, к списку подозреваемых приплюсовывался некто с отмычкой. Ну, и с колющим или режущим орудием убийства. Кстати говоря, у меня сложилось впечатление, что сыщики ничего однозначно подходящего в нашем доме не нашли, хотя и уволокли с собой с дюжину относительно острых инструментов: штопор, ножницы, металлическую расческу с длинной тонкой ручкой, отвертки...

Впрочем, я сама отпирала дверь прибывшим по тревоге Потапову со товарищи и помню, что замок был закрыт. Маловероятно, что некто с отмычкой, проникнув в квартиру, снова запер бы дверь изнутри, правда?

Поскольку менять замок и укреплять дверь мне очень не хотелось, версию с проникновением в квартиру постороннего убийцы я отвергла. А так как мне было ужасно неуютно считать убийцей кого-то из близких и знакомых, я отложила «на крайний случай» и эту версию. Было бы гораздо приятнее обнаружить, что Диму убил кто-то чужой, причем снаружи, без вторжения в наше жилое помещение, ограничив сцену кровавого действия сугубо балконом!

Уяснив задачу, мое воображение попыталось объединить имеющиеся факты, наиболее сомнительными из коих являлись следующие: во-первых, мы живем на втором этаже трехэтажного сталинского дома. Потолки у нас высокие, три метра с хвостиком, цокольный этаж здания почти полутораметровый, так что от нашего балкона до земли без малого пять метров. До крыши – почти семь. В принципе, какой-нибудь специально тренированный ловкач мог бы спуститься с крыши на балкон третьего этажа, а уже оттуда перелезть к нам, но тогда на крыше остались бы какие-нибудь следы. А я совершенно случайно подслушала, как «Первый-из-ларца», сбегав на разведку на чердак, доложил капитану Панде, что «на крыше все чисто».

Перепрыгнуть на наш балкон с соседнего было невозможно: до балконов слева и справа по шесть метров. Правда, напротив дома растет дерево с довольно удобными для лазанья ветвями, но ни одна из них не приближается к нашему балкону ближе чем на четыре метра. Виноградник, плети которого поднимаются до второго этажа вблизи соседского балкона, не выдержал бы никого крупнее бурундука: только на прошлой неделе с него со свистом рухнул дворовый кот, в амурном настроении взбиравшийся к британской кошке наших соседей.

По всему выходило, что убийца Димы должен быть либо летучим, либо прыгучим, и мое воображение, честно выполняя поставленную перед ним задачу, выдало новый список подозреваемых. В нем фигурировали Бэтмен, Человек-Паук, черепашки ниндзя и кровожадный кенгуру с кинжалом в набрюшной сумке. Убийцу на дельтаплане и Винни Пуха на воздуш-

ном шаре я исключила: дельтаплану вблизи дома негде было развернуться, а о медведях после общения с товарищем Пандой просто не хотелось думать.

Впрочем, оставался еще один вариант: к спящему на балконе Диме могли подобраться снизу. Прямо по стене, как это делают скалолазы, или на гигантских ходулях.

Скалолазов я, подумав, забраковала, потому что стены нашего дома очень ровные, гладкие, совсем недавно оштукатуренные. А вот идея с ходулями мне приглянулась! Картинка вырисовывалась четкая, ясная, без белых пятен: прибрел кто-то на длиннющих деревянных ногах, походя всадил в жертву острый нож и семимильными шагами удалился, не оставив после себя никаких следов. Разве что на мягкой земле клумбы под балконом остался один-другой отпечаток... Сыщики вполне могли его не заметить!

Преисполнившись решимости самолично отыскать ходульный след, я выскочила во двор, обогнула дом и деловито зашелестела лопухами на клумбе под балконом.

Но, поскольку я не знала, как должен выглядеть типичный ходульный след, отыскать его мне не удалось. Нашлась на мягкой земле пара подозрительных вмятин, но они вполне могли быть дырками от колышков, с помощью которых соседка с первого этажа размечала будущие клумбы, и следы сыщиков. Зато я подобрала в зеленых зарослях пару прищепок и малышовый носок, слетевший с веревки для сушки белья. Все ж не зря бегала!

Мужичков, засевших под сенью раскидистых ветвей цветущего куста, я заметила не сразу и поначалу не обратила на них особого внимания. Ну, уединилась парочка выпивох, чтобы поправить больные с утра похмельные головушки, и бог с ними... Сами пьяницы раскосыми очами тоже не вдруг зафиксировали мое присутствие, так что я успела еще услышать часть их беседы. Речь шла о каких-то деньгах, которых собутыльники лишились по вине одного из них.

– Вот че ты сделал? Че стольник выбросил? – нудно причитал один из мужиков. – Че на тебя нашло?

– А че? – столь же нудно откликался его товарищ. – Че я, своим деньгам не хозяин? Че ты имеешь против?

Судя по убитым интонациям, вялотекущий спор продолжался уже давно.

– О! – радостно воскликнула я, обнаружив среди желтеньких одуванчиков маскирующийся под цветочек второй детский носок.

Это меня выдало: мужики заметили мое присутствие и заговорили громче.

– Да че нам в этом стольнике? – драматически повышая голос, провозгласил один из выпивох. – Ты только подумай: эта бабуська целый день стоит с протянутой рукой, а тут ей разом – бах! – стольник! Она же теперь может до вечера отдыхать! Она же стала счастливой!

Монолог щедрого дарителя стольников быстро обрел философскую глубину и наполнился подлинным пафосом. Теперь я узнала говорящего: это был наш сосед снизу Пашка Лутонин по прозвищу Пава. Полагаю, кличку свою Пава получил за неистребимую манеру выпендриваться при каждом удобном случае. Чисто павлин! Пока публики нет, бродит себе такая невзрачная птичка, но стоит появиться зрителю, и пава распускает хвост веером.

– Она счастлива! Ты понимаешь? Счастлива! – продолжал драматизировать ситуацию Пава. – И это значит, что все в мире хорошо! И мы с тобой очень хорошие люди, если сделали счастливым хотя бы одного человека, пусть даже всего лишь какую-то паршивую бабку! Мы, простые русские парни!

– Слышь, простой русский парень, – для приличия пару раз хлопнув в ладоши, позвала я. – Пава! Тебя опять жена домой не пустила?

– Она дура! Ты понимаешь? Дура! – Пава пошел по второму кругу. – Она не пустила в дом хороших людей только потому, что они немножко выпили! Нас, простых русских парней!

– А че мне бабка? – сильно отставая от Павы, бубнил его партнер. – Мне для бабки бабок не жалко! Я на баб больше бабок трачу!

Пава толкнул приятеля локтем в бок.

– А че нам дом? – сменил пластинку тот. – Нам и на травке неплохо! Цветочки-лепесточки, водка-селедка, все дела!

– Давно тут сидите? – поинтересовалась я.

У меня возникла надежда обрести в лицах выпивох пару свидетелей нашего ночного убийства.

– Всю ночь! – заламывая руки, вскричал Пава.

С одноразовой пластиковой вилки, которую он держал в руке, в траву свалилась безголовая килька в томате.

– Ничего такого особенного не видели? – я подошла поближе. – Не появлялись тут какие-нибудь подозрительные личности?

– Еще как появлялись! – Пава с сожалением посмотрел на пустую вилку и слизнул с нее каплю соуса.

– Расскажи, – попросила я, приготовившись выслушать продолжительный эмоциональный монолог.

Из прочувствованной речи Павы выяснилось, что на рассвете, когда все порядочные люди мирно спали, а простые русские парни отдыхали со стаканами в руках, на клумбу прискакали неразговорчивые хмурые мужики, не пожелавшие включиться в дискуссию о сторублевых благотворительных пожертвованиях. Угрюмые типы безжалостно потоптали ногами цветочки и потрясли за шиворот простых русских парней, выясняя, кто они такие и что тут делают. Личности Павы и его бубнящего приятеля, по совместительству – шурина, своевременно засвидетельствовала Павина жена Наташка, очень кстати высунувшаяся из окна. Что до третьей персоны, каковая изначально имелась на клумбе в комплекте с Павой и шурином, то об этом мужике никто ничего сказать не мог, так как это был случайный прохожий, приглашенный на пикник под кустом, чтобы сообразить, как положено, «на троих». На свою беду этот третий попытался вовлечь в гулянку и вновь прибывших суровых дядечек, с каковой целью довольно музыкально напел наиболее хмурому из них популярную в прошлом веке песню: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня? Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что ты уходишь от меня!» После этого мужик, которого называли Мишкой, окончательно посуровел и забрал певца с собой в машину типа «бобик».

Если я правильно поняла, последняя соломинка сломала спину верблюда: капитан Панда расценил адресованное ему «Мишка, Мишка» как очередной бестактный намек на свою медвежью фамилию. Кроме того, убытию третьего с операми наверняка поспособствовало то, что пьяный певец сжимал в кулаке испачканный красным перочинный нож. Объяснить хмурым мужикам, что он только что открыл этим ножом консервную банку «Килька в томате» простой русский парень номер три не успел, о чем два его приятеля не уставали сокрушаться. Без третьего собутыльника они кое-как обходились, а вот режущего инструмента, без которого невозможно было добыть из консервных банок закуску, им очень не хватало.

– А кроме этих хмурых личностей, тут никого не было? Еще раньше, в потемках? – без особой надежды спросила я. – Вспомните, может, ходил тут еще кто-нибудь?

– Черный ангел приходил, грешники! – раздался у меня над головой громкий голос. – Покайтесь!

Я вскинула голову и увидела на балконе третьего этажа кряжистого старца топлесс. Грудь и живот деда прикрывала окладистая белая борода, благодаря чему он выглядел вполне пристойно.

– Петрович, давай к нам! – замахал рукой хмельной Пава, с великолепным хладнокровием проигнорировав информацию о приходе какого-то там ангела нехарактерного окраса.

Я вздохнула и подумала, что пора мне убираться прочь. Мало тут Павы было, так еще и Петрович на сцене появился!

Этот дед, очень похожий на Льва Толстого, каким его изображают на портретах, наш местный сумасшедший. Он абсолютно безвреден, так как помешан на идее перевоспитания грешников. Не знаю, каковы религиозные воззрения Петровича, но его основное занятие – проповедовать заблудшим истину, которая где-то рядом. Обычно в часы пик старик стоит на трамвайной остановке вблизи людного Нового рынка и, заглядывая в останавливающиеся вагоны, громко кричит: «Кто пользуется импортными товарами, покайтесь и больше так не делайте!» Или: «Кто производит сигареты, покайтесь и больше так не делайте!» И все, никаких тебе обещаний кары небесной, вполне невинные призывы! Вообще я только однажды слышала из уст витийствующего Петровича деструктивный, с государственной точки зрения, текст – когда старик призывал покаяться и больше так не делать тех, кто получает ИНН. Чем ему не угодил идентификационный номер налогоплательщика, даже не знаю.

– Кто натаскал на лестницу грязи? – строго спросил с балкона седобородый старец.

– Покайтесь и больше так не делайте! – машинально отозвалась я.

Пава с шурином весело заржали, а я зашагала к себе домой – за веником. Грязи в подъезд нанесли наши ночные сыщики, так что убирать за ними должна я, больше никому.

Едва я покончила с зачисткой прилегающих к квартире территорий, как позвонил Колян.

– Кыся, ты скоро? – накинулся на меня муж. – Приходи быстрее, у нас авария!

– Что случилось? – встревожилась я.

– Мы с Масяней покрасились!

– Что вы сделали? – не поняла я.

Мое неумное воображение услужливо нарисовало двойной портрет мужа и сына с разноцветными панковскими прическами в стиле ирокез.

– Вы были в парикмахерской? – спросила я.

– Мы катались с горки! – обиженно сообщил Колян. – А ее, оказывается, покрасили! Ну, не саму горку, а ступеньки и поручни, так что у нас с малышом все лапы в краске! И передние, и задние!

– И руки, и обувь? – перевела я. – Вот молодцы! Значит, так: возьмитесь за руки, сядьте на лавочку и ждите меня, я сейчас прибегу к вам с растворителем!

Отыскав под ванной бутылочку с ацетоном, я схватила первую попавшуюся под руку тряпку и шустро порысила в парк – отмывать своих свежеокрашенных Колянов. Там выяснилось, что лавочка, на которую они по моему совету присели, тоже была окрашена, только не желтой эмалью, а зеленой, так что голубые джинсы Коляна и красный комбинезон малыша сзади сделались полосатыми. Кроме того, Масянька, желая непременно забраться папе на ручки, запятнал белую отцовскую рубашку желтыми ладошками. Колян же, пытаясь воспрепятствовать карабкающемуся на него ребенку, измазал краской Масин синий свитер.

– Клоуны! – сердито воскликнула я, изведя на папу и сына весь ацетон, но не добившись при этом особого результата. – Я же велела вам взяться за руки!

– Зачем? – не понял Колян.

– Чтобы руки у вас были заняты, ведь тогда вы ничего не смогли бы ими испачкать!

Руки, лица домочадцев и подошвы кроссовок отмыть удалось, но одежда самостоятельной химчистке не поддавалась. Пришлось сначала идти домой – домываться и переодеваться, а потом отправляться в магазин за новыми джинсами для Коляна.

– А из старых мы сделаем мне новые шорты! – с детской непосредственностью радовался оказии муж. – Ниже колен штаниныотрежем, а те пятна, которые окажутся выше, будем считать декоративными! А с краю выпустим бахрому!

Я молчала. Нескучное воскресенье измотало меня не хуже целой рабочей недели, и я только к вечеру нашла в себе силы обзвонить участников ночных посиделок с летальным исходом.

А звонила я им с целью прояснить личность нашего покойника. Дело в том, что я видела Диму первый раз в жизни, он же и последний! Откуда взялся этот парень, я вечером не вникла, мне было не до того: пришлось быстренько сообразить полупраздничный ужин на восемь персон, накрыть стол, потом следить за тем, чтобы тарелки гостей не пустовали, а веселая застольная беседа не прекращалась, и при этом внимательно пасти шустрого малыша, затем укладывать его спать, а после шикать на гостей, чтобы не повышали сверх меры голоса, потом укладывать их спать и пытаться уснуть самой... В общем, вчера я не удосужилась толком познакомиться с Димой, а сегодня было уже поздно. Сегодня я могла бы познакомиться лишь с его некрологом, вот только не знала, кто может таковой написать!

Пришел Дима вчера вместе с остальными гостями – Сашей, Надей, Андреем и Галей. Все пятеро появились одновременно, общались непринужденно, поэтому я решила, что Дима – старый знакомый кого-то из наших приятелей.

– Да не знаю я, как его фамилия, – отбивался от меня по телефону Саша, которому я позвонила в первую очередь. – И отчества не знаю, и домашнего адреса, и профессии! Я о нем вообще ничего не знаю, кроме имени: Дима.

– Послушай, как такое возможно? – рассердилась я. – Он же пришел вместе с вами, разве не так?

– Не вместе с нами, а одновременно! – поправил меня Саша.

Он юрист, поэтому уважает точные формулировки.

– Когда мы с Надюхой подошли к вашей двери, на лестничной площадке уже топталась эта троица – Андрюха, Галка и покойник. То есть он тогда еще был жив...

– Хочешь сказать, что с Андреем и Галиной вы встретились совершенно случайно? – не поверила я.

– Нет, не случайно, мы заранее созвонились и согласовали время, – признался Саша. – Но я лично этого Диму на свидание не звал. Спроси лучше у Андрюхи, где он выкопал этого мертвеца!

Я позвонила Андрею и обрушилась на него с упреком:

– Дуся! – это Андрюхино детское прозвище, известное узкому кругу лиц, друживших с ним в детсадовском возрасте. Андрюша тогда не выговаривал часть букв и гордо именовал себя «Андусей» или попросту «Дусей». – Где ты откопал Диму? Откуда покойник?

– С погоста, вестимо! – неуместно пошутил приятель. – Ладно, не сердись! Диму этого привел я, потому что пожалел бедолагу. Ему ночью некуда было идти.

– А у меня, по-твоему, приют для бездомных животных? – рассвирепела я. – Дуся, ты сдурел? Привел в мой дом совершенно постороннего человека! А вдруг он преступник? Или заразный больной? Или, не дай бог, налоговый инспектор? Да что ты вообще о нем знаешь?

– Честно говоря, почти ничего, – вынужденно согласился Андрюха.

Оказывается, он встретил этого парня вчера вечером, уже выйдя из офисного здания. На работе Андрюха подзадержался, а ему еще нужно было успеть забежать домой, чтобы уже оттуда вместе с женой ехать в гости к нам, поэтому по улице он почти бежал. С парнем, переминающимся с ноги на ногу у круглосуточного магазинчика, Дуся едва не столкнулся.

– Я извиняюсь, – буркнул Андрюха.

– Я тоже, – сказал незнакомец, преграждая ему путь. – Вы не одолжите мне десять рублей?

Андрюха остановился и оценивающе посмотрел на незнакомца. Тот был одет в хороший костюм, чисто выбрит, издавал слабый запах дорогого парфюма и на побирушку никак не смахивал.

– Он походил на мошенника, но сумма в десять рублей для афериста была маловата, – сказал Андрюха. – Мне стало интересно, зачем ему десятка. Я спросил, и он ответил, что по некоторым причинам вынужден заночевать в офисе и хочет купить себе на завтрак лапши.

Наличность у парня кончилась, ближайший банкомат в пяти кварталах отсюда, а занять денег у знакомых он не мог, так как все его коллеги давно разошлись по домам. Я показался ему нормальным человеком, и он обратился с просьбой о займе ко мне.

– И вместо того, чтобы дать подозрительному типу десятку и пойти своим путем, ты приволок его к нам! – возмутилась я. – Ну можно ли после этого считать тебя нормальным?

– Ага. А что? Человек поел-попил и заночевал в квартире, а не в офисе! В конце-то концов мы должны совершать добрые дела! Особенно если нам это почти ничего не стоит!

– Знаешь, кто ты после этого? – прошипела я в трубку. – Ты простой русский парень! Который сделал кого-то счастливым! Пусть даже всего-навсего какого-то покойника!

– Не понял? – недоуменно переспросил Андрей, но я уже шмякнула трубку на рычаг.

Секунд через сорок аппарат требовательно звякнул. Все еще злясь, я сняла трубку.

– Леночка, не сердись на моего остолопа! – попросила Галя. – Что ты, мужиков не знаешь? Андрюха подумал, что Диму выгнала жена, и решил проявить мужскую солидарность!

– А у него есть жена? – заинтересовалась я. – Дуся ничего мне об этом не сказал!

Галя конспиративно понизила голос:

– По правде говоря, нас очень просили никому ничего не рассказывать, особенно тебе!

– Кто это вас об этом просил?!

– Сначала капитан Косолапов, потом твой друг Лазарчук.

Эта информация мне не понравилась. Обидно, почему это именно меня велено держать на скудном информационном пайке? Я усматривала в этом происки Сереги Лазарчука, который вечно старается наступить на горло моей песне. В смысле тормозит меня в погоне за истиной. Можно подумать, я у сыщиков хлеб отбираю! Без работы остаться бояться!

– Так что там с Диминой женой? – поторопила я с ответом мешкающую Гаю.

– Об этом я ничего не знаю, – призналась она. – Зато мне известна Димина фамилия – смешная такая, куриная. Он Желтиков.

– Точно Желтиков, ты не путаешь? – переспросила я, вспомнив бесчисленные варианты медвежьей фамилии капитана Панды. – Не Курочкин, не Петухов, не Яичкин, не Белков-Желтков?

– Не Бройлеров и не Окорочков-Бушский, – подтвердила Галя. – Именно Желтиков, я точно запомнила, у меня был одноклассник с такой фамилией, мы с ним за одной партией сидели. И еще вот что: Андрюха сказал, что они с Димой работали в одном офисном здании.

– Это же девятиэтажка-лабиринт! – воскликнула я. – Там, наверное, тысяча комнат!

– Может, и больше, но два верхних этажа заняты редакцией «Партизанки», в которой работает твой Колян. Если он этого Диму раньше не видел, восьмой и девятый этажи можешь не считать. На шестом расположен художественный салон, там сотрудников раз-два и обчелся, сплошной выставочный зал плюс запасники. Если разобраться, найти контору, в которой работал Дмитрий Желтиков, вполне реально, – утешила меня Галя.

– Ну, и на том спасибо, – уныло поблагодарила я. – Спокойной ночи!

– И вам того же, на сей раз – без трупов, – пожелала Галя.

Я решила, что должна наведаться на работу к убиенному Желтикову и навести о покойнике справки. В конце концов имею я право знать, кого убили в моем доме? От любимой милиции в лице капитана Лазарчука и в морде капитана Панды объяснений не дождешься! На всякий случай откажу-ка я пока от дома и Саше с Надей, и Андрею с Галиной. Коляна, так и быть, оставлю в родных стенах, но буду за ним внимательно приглядывать.

Ложась спать последней, я приперла табуретом балконную дверь и перегородила рогатой железной вешалкой прихожую. Теперь Бэтмен, Человек-Паук, черепашки ниндзя и иже с ними не смогут проникнуть в нашу квартиру без шума.

Удав Каа полз по вертикальной стене, неся на себе дюжего голого парня с ножом в зубах. Медведь Балу взволнованно приплясывал под стеной, поблескивая капитанскими звездочками на погонах, нашитых прямо на мохнатые плечи.

– Мы с тобой одной крови, ты и я! – издевательски шепнул мне живой и невредимый Дима, уползая с балкона в комнату через открытую дверь.

Я не могла встать с надувного матраса, потому что была спеленута одеялом, как младенец. Кровожадный Маугли с ножом приближался, и предотвратить мое убийство могло только чудо.

– Бам-м-м! – очень вовремя грянул гром.

Желтый земляной червяк Каа с шипением рухнул вниз, и доблестный капитан Балу проворно окольцевал тело удава наручниками.

Я дернулась и, как была, в одеяле, упала на пол. Пугающее змеиное шипение не прекращалось, лишь прерывалось тихими стонами и прочувствованным матом.

– Маугли? – спросила я, спросонья не сообразив, что ругаются не на хинди, а весьма по-русски.

– Какая зараза построила баррикаду перед сортиром? – плачущим голосом спросил Колян.

Я проворно выпуталась из одеяла и поспешила в прихожую. В притушенном шторами лунном свете в коридорчике, на развилке между кухней и санузелом, сидел, укачивая правую ногу, мой муж. Едва не плача от боли, он рассматривал ушибленный большой палец и при этом громко шипел и тихо матерился.

– Куда это ты направлялся? – с подозрением спросила я.

– В туалет!

– Зачем это?

– Ничего себе вопрос! – возмутился супруг. – Подумай своей головой, что можно делать в сортире?

– Не знаю, не знаю, – пробормотала я. – Если на балконе можно убивать людей, то и туалет тоже вполне годится для совершения преступлений!

– Ага, для мокрых дел! – Колян с трудом поднялся на ноги, отпихнул меня с дороги и, прихрамывая, проследовал в туалет.

Я прислушалась, убедилась, что санузел задействован мужем строго по назначению, и немного успокоилась. Пожалуй, Колян Диму не убивал. Человек, который умудрился произвести такой переполох при рядовом посещении санузла, при попытке совершения убийства разбудил бы весь дом!

– Подумаешь, вешалка ему помешала! – ворчала я, забираясь обратно в постель.

Колян прихрамал из клозета и рухнул рядом со мной, обиженно сопя. Дождавшись, пока он уснет, я сбегала в прихожую и восстановила заградительное сооружение.

Моя бессонница бесследно прошла, но на смену ей, похоже, явилась прогрессирующая паранойя.

Понедельник

– Опаздываешь, – заметил дежурный редактор Сима, шумно отхлебывая из фирменной чашки с логотипом нашей телекомпании и идиотским девизом «Снимаем и показываем для Вас».

Двусмысленный слоган сочинил кто-то из наших рекламщиков. Выпороть бы дурака! Ну, что значит «снимаем и показываем»? Снимаем с себя одежду и показываем обнажившееся? Такие чашки больше подошли бы группе стриптизерш.

– Приятного аппетита, – сказала я, оглядываясь. – Что, все наши уже разбежались?

– Остались только вы с Сержем, – кивнул Сима.

Это его так зовут: Сима, полностью – Серафим. Любящие родители постарались и придумали единственному сыночку звучное и неизбитое имя. Серафим Петрович Коновалов! Интересно, не работает ли кто-нибудь из Симиных предков в нашем рекламном отделе?

– Мы последние, получаем остатки? Стало быть, нам достанется что-нибудь особенно гадкое, – вздохнула я.

– Ну, почему же? – фальшиво улыбнулся Сима. – У вас прекрасное задание, выезд за город, почти пикник на природе! Нужно сделать сюжет об открытии купального сезона в реке Кубани.

– А разве он уже открылся? – удивилась я.

– Откуда я знаю? – Сима пожал плечами. – Если еще не открылся, придется быстренько открыть. Эта тема понравилась Москве, и от нас ждут репортажа к вечеру.

Наша телекомпания время от времени поставляет столичному телеканалу новостные сюжеты, за которые Москва платит нам денежки. Не очень много, но достаточно, чтобы оправдать в глазах нашего экономного директора необходимость существования собственной информационной службы.

Позади меня что-то грохнуло. Я обернулась и увидела оператора Сержа, который пытался войти в редакторскую, но не мог этого сделать, потому что заброшенный за спину штатив заклинило в дверном проеме.

– Стой там, я уже иду, – сказала я напарнику.

– Камеру взял, штатив взял, кассеты, микрофон, петличку взял. Что еще? – не слушая меня, озабоченно пробормотал Серж.

Он невидящим взглядом посмотрел на Симу и многозначительно изрек:

– О! – после чего повернулся и скрылся в коридоре.

– Наверное, запасные аккумуляторы забыл, – сказал заинтересовавшийся этим представлением Сима.

Мы немного подождали, и тяжело нагруженный Серж вновь притопал к нашей двери.

– Камеру, штатив, аккумуляторы взял, петличку, микрофон, кассеты тоже. Что еще? – повторил Серж.

– Накамерный свет? – предположил Сима.

Посмотрев на него недобрым взглядом, оператор снова ушел.

– Свет-то нам зачем? – спросила я. – Мы же будем на улице снимать, а там солнце светит всюю!

– Ну, должен же я был что-то сказать, – пожал плечами Сима, – Серж явно ждал подсказки!

– Камера, штатив, кассеты, батареи, все для звука, свет! Что еще? – с отчетливым раздражением в голосе спросил вернувшийся оператор.

– Купальник, – подсказала я.

Серж развернулся, отошел на пару шагов и остановился.

– Какой купальник? – донеслось из коридора.
– Желательно на меху, – попросила я. – А еще лучше, если с термоподогревом.
– Зачем купальник? – Серж сунул голову в дверной проем и по привычке вопросительно глянул на Симу.
– Это не мне, – покачал головой тот. – Это Ленке! Она сейчас будет купаться в Кубани!
– А разве купальный сезон уже открылся? – простодушно удивился Серж.
– О том и речь! – засмеялся Сима.
– Шагай в машину, – велела я оператору, мрачно шмыгнув носом. – Мы уже уходим.
– Не заплывайте за буйки! – крикнул нам вслед веселящийся Сима.
За купальником пришлось заехать домой.
– Мама! – выбежал навстречу мне обрадованный малыш.
Следом поспешала няня с ложкой, вымазанной кашей.
– Ты уже обедаешь? – Я отдала няне пакет с купленной по пути курочкой-гриль и подхватила на руки задорно визжащего ребенка. – Колюша – хороший мальчик, умница!
– Верни умницу за стол, хороший мальчик еще сырок не съел, – попросила няня.
Я отнесла малыша на кухню и посадила на табурет.
– Колюша будет творожный сырок? – спросила няня.
– Но, – решительно отказался малыш.
– В шоколаде! – поспешила добавить няня.
Мася внимательно посмотрел на тарелку и повторил:
– Но!
– А жареную курочку? – спросила я.
– В шукала? – серьезно спросил ребенок.
– Курочка в шоколаде? Ну, ты гурман! – засмеялась я. – Или это украинские корни называются?
– Почему – украинские? – заинтересовалась няня.
– Потому что Колян – киевлянин. А одна маленькая украинская кондитерская фабрика, я читала об этом в Интернете, наладила производство оригинального лакомства «Сало в шоколаде», – объяснила я. – Говорят, очень вкусно. Вся продукция идет на экспорт, тоскующие по родине экс-украинцы расхватывают глазированное сало в момент.
Няня положила на тарелку перед Масей добрый кусок нежной куриной грудки, и ребенок тут же забыл о моем присутствии.
– Иди, пока он занят едой, – шепотом сказала мне няня.
Я быстренько отыскала в ящике с бельем купальник, прихватила полотенце и удалилась.
Открыть купальный сезон удалось без особых страданий. Сержу пришла в голову прекрасная мысль: снять мои приготовления к купанию на берегу Кубани, а само погружение в речные воды и последующий заплыв – в старой заводи, куда сливает горячую воду городская ТЭЦ. После монтажа картинки должны были сочетаться вполне органично, так что поставленную перед нами задачу мы с оператором выполнили, и при этом пневмония мне не грозила. Тем не менее в телекомпанию я вернулась с твердым намерением заявить протест против использования журналистов в качестве подопытных животных. Сегодня я купание в Кубани открываю, а завтра на мне лекарства испытывать начнут!

В коридоре было тихо, в редакторской пусто. Бросив сумку на стол, я пошла на поиски Симы, которому собиралась высказать все, что думаю о людях, которые вынуждают своих коллег рисковать личным здоровьем ради сомнительного финансового блага компании.

Сима, а с ним еще пара журналистов и целая группа техников нашлись в аппаратной видеомонтажа. Народ сгрудился напротив телеэкранов за спиной сидящего на стуле оператора Вадика. Вадик был надут и красен, как первомайский воздушный шар.

– Ленка, спаси меня! Сними с креста! – заламывая руки, умоляюще вскричал он при моем появлении.

На экране сменяли друг друга бесконечные незаконченные «проездки». Камера начала снимать людей,двигающихся по пешеходному переходу, потом обнаруживала в толпе симпатичную девушку и принималась «вести» ее персонально – до тех пор, пока в кадр случайно не попадало новое смазливое личико, пышный бюст или круглая попка. С этого момента оператор неотступно следил за новым объектом. В результате камеру хаотично и безостановочно швыряло из стороны в сторону, как в бурном море утлый челн, и в роли оператора мне виделся какой-то пьяный и сексуально озабоченный матрос. Учитывая, что итогом работы съемочной группы должен был стать информационный сюжет о работе городских светофоров, можно понять недовольство нашей телевизионной общественности этим видеоматериалом. Ни единого светофора в кадре не было.

– Распинаете несчастного? – спросила я нашего режиссера Славу, кивнув на Вадика.

– Вадька опять съемку облажал, – объяснил тот. – Мы ему публичную экзекуцию устраиваем. Дабы впредь неповадно было!

И он скомандовал:

– Ату его!

– Куда камеру повел, басурман? – тут же закричали в толпе. – И затрясся, затрясся, как юродивый!

– Зело нетверда десница твоя, отрок! – сурово рек другой оператор, Женя, придавливая плечо Вадика тяжелой рукой. – Руки оторвать подлецу за поганую съемку!

– Сие есть произвол и беззаконие! Я невинная жертва еси! – заявил Вадька, весьма натуралистично изображая приступ эпилепсии.

– Цыц, злыдень! – прикрикнул на припадочного Сима. – Смотри на экран! Кто, ну, кто так снимает?

– У вас тут что, по совместительству – практикум старославянского языка? – поинтересовалась я у скорбно молчащей журналистки Наташи.

– Ну Вадька, ну ирод! – проигнорировав мой вопрос, со слезами в голосе воскликнула она. – Что ты снял, чудище поганое? Как я из этой срамотищи сюжет монтировать буду?

Наташа всхлипнула и залилась горячими слезами, как царица Несмеяна.

– У-у, смерд! – зарычали в толпе. – Ты пошто боярыню обидел?!

– Так не корысти ради, а токмо волей пославшего мя редактора! – зайцем заверещал Вадька. – Это Симпсон велел мне побольше пригожих девиц наснимать!

– Ах, вот оно как? И шестикрылый Серафим на перепутье мне явился? – с чувством процитировал Слава, разворачиваясь к притихшему редактору. – Сима, так это ты сбил невинное дитя с пути праведного?

– Он, он, лукавый! – с жаром прокричал Вадик.

– Изыди, сатана! – не оборачиваясь, повелел режиссер.

Вадька спрыгнул со стула и вышмыгнул из аппаратной, а вослед ему понеслось азартное улюлюканье и пара бумажных самолетиков из листочков настенного календаря с душевспасительными текстами. Пожав плечами, я вышла из аппаратной, где мои коллеги безотлагательно принялись терзать новую жертву – Симу.

– Это ты? – опасливо спросил Вадик, выглядывая из-за шкафа с кассетами в редакторской.

– Расслабься, наша свора теперь ошипывает и потрошит Серафима, – успокоила его я.

– Пасочку будешь?

Обрадовавшийся Вадька полез в холодильник и вытащил оттуда большой расписной поднос с разновеликими куличами и разноцветными яйцами.

– Ага, вот откуда церковно-славянская тематика, – догадалась я. – Кто-то щедро поделился с нашим коллективом пасхальным угощением?

– Точно, – кивнул Вадик, запихивая в рот целое яичко, только без скорлупы. – Приходил батюшка Андрей на программу «Свет Рождества», принес нам съедобные дары.

– Каковые вызвали у наших сограждан горячий прилив христианской любви и острый приступ милосердия, – съязвила я, прислушиваясь.

Судя по доносящимся из аппаратной звукам, напивавшиеся пасхальными куличиками коллеги с новыми силами тузили оплошавшего Серафима.

Вот, кстати, у меня родилась еще одна версия убийства, совершенного под покровом ночи на нашем балконе: это вполне могло сделать какое-нибудь потустороннее существо типа серафима! Серафимы – они же вроде ангелы смерти? Или я что-то путаю? Помню, есть еще херувимы, но те похожи на упитанных младенцев с крылышками и по идее должны быть добродушными... Между прочим, ведь и придурковатый Петрович упоминал нынче утром какого-то черного ангела, который не то сошел, не то взошел... в общем, как-то так пошагово переместился в пространстве! Черный ангел... Вот интересно, почему черный? Негр, что ли?

– Или в шоколаде, – пробормотала я, вспомнив придуманное Масянькой экзотическое блюдо.

Минуточку, а ведь если этот черный ангел в шоколаде в момент совершения своей пешеходной прогулки оказался в поле зрения Петровича, значит, бродил он подозрительно близко от места преступления, ведь балкон бородастого деда как раз над моим!

– А вот кому на монтаж? – сбив меня с мысли громким выкриком, в редакторскую сунулся видеоинженер Митя.

– Иду!

Я поспешно дожевала надкусанную пасочку и пошла готовить к эфиру свой сюжет про открытие купального сезона.

Где-то в четвертом часу, благополучно закончив работу, я пришла к выводу, что сегодня уже достаточно потрудились на благо родной телекомпании, и пошла искать дежурного редактора, чтобы поделиться с ним этой гениальной мыслью.

Сима нашелся в нашем общем кабинете – как порядочный сидел за рабочим столом, вдохновенно сочиняя шедевр редакторской мысли – программу передач на следующую неделю. Прямо от двери хорошо видна была Симиная макушка, увенчанная аккуратной проплешиной в окружении темных кудрей. Микролысина блестела, как начищенный пятак, потому что аккурат на нее падал яркий свет настольной лампы. Невольно я вспомнила любимую Симину присказку: «Работайте, негры, солнце еще высоко!»

На диване в углу комнаты сидели Слава и юная практикантка Сашенька, студентка журфака. Наш великий режиссер вещал, а барышня внимала ему, распахнув глаза, как форточки.

– Новостная программа в прямом эфире – это, не побоюсь такого слова, подлинная квинтэссенция телевизионного мастерства, – бархатным голосом говорил Слава.

По лицу практикантки было ясно видно, что она в отличие от Славы слова «квинтэссенция» немного побаивается. Почувствовав это, режиссер взял девушку за руку и успокоительно погладил тонкие пальчики.

– А что главное в ведении эфирной программы? – спросил Слава, неотрывно глядя в голубые очи Сашеньки.

Девушка нервно заерзала.

– Главное – это темпоритм! Не побоюсь этого слова, – облизнув губы, доверительно поведал ей режиссер.

– Бесстрашный ты наш, – мимоходом заметила я.

Сашенька посмотрела на меня с надеждой.

– Саша, хочешь посмотреть, как Митя монтирует сюжет? – сжавшись над девушкой, спросила я.

– Очень! – Сашенька попыталась приподняться с дивана, но неумолимый Слава цепко держал ее за руку.

– Темпоритм! – напомнил режиссер, маниакально блестя очками.

– А что такое темпоритм? – сдаваясь, спросила Сашенька.

– Темпоритм – это...

Слава замолчал, подбирая слова, которых он не побоялся бы.

Я подошла к Симе и, перефразируя его любимое присловье про чернокожих тружеников, спросила:

– Солнце клонится к закату. Негры могут быть свободны?

– Что с сюжетом?

– Все в порядке.

– Можешь топтать восвояси!

Разговор получился таким живым и складным, словно мы с Симой заранее написали слова и хорошо отрепетировали диалог.

– Вот! – вскричал Слава, воздевая вверх указательный палец. – Вот что я называю словом «темпоритм»!

– Нужно разговаривать стихами? – удивилась Сашенька.

– Ах, деточка, тебя еще учить и учить! – сокрушенно вздохнул режиссер, вновь плотно облизнувшись.

Я с жалостью посмотрела на практикантку, которую наш режиссер явно беспардонно охмурял.

– Лена, можно мне вас кое о чем спросить? В приватном порядке? – в отчаянии выкрикнула девушка, видя, что я уже ухожу.

– Конечно! Проводишь меня?

Мушка вырвалась из паутины и полетела к выходу. Паук посмотрел на меня с укором и негромко произнес:

– Ленка! Ну как это называется?

– Это, не побоюсь такого слова, женская солидарность! – заявила я, пропуская вперед рвущуюся на волю Сашеньку.

Четверть часа на трамвайчике, два квартала пешим ходом – и я подошла к многоэтажной башне, в недрах которой, в неизвестном офисе неведомой фирмы, находилось рабочее место господина Желтикова. Во всяком случае Андрюха, который приволок в наш дом подкидыша Диму, уверял меня, что парень вышел именно из этой девятиэтажки и собирался в нее же вернуться.

Я запрокинула голову и без особой надежды оглядела монументальную башню из красного кирпича сверху вниз. Ладно, два последних этажа можно вычеркнуть: Колян сказал, что среди сотрудников «Партизанской правды» покойный Желтиков не значился. Стало быть, мне нужно обойти всего семь этажей. Площадь каждого, насколько я могу судить, стоя снаружи, около тысячи квадратных метров. На этаже – от одной до ста фирм, итого – от семи крупных до семисот мелких компаний. Если на каждую тратить минимум минут десять, процесс займет от часа с хвостиком до трех суток, это еще без учета времени на переход от конторы к конторе и переезды на лифте...

Мысленно я попросила о помощи своих ангелов-хранителей, неосознанным движением поправила сумку на плече и, чувствуя себя пилигримом, вошла в портал, увенчанный бесчисленными вывесками.

О, счастье! Какой-то ангел (возможно, тот самый, шоколадный) явно заинтересованно отслеживал происходящее. Против ожидания мои поиски увенчались успехом почти моментально: в просторном холле первого этажа, прямо напротив раздвижных стеклянных дверей, стоял небольшой металлический стенд типа «растопырочка». На нем была помещена увеличенная фотография покойного Димы, я его сразу узнала. Фотографию обвивала полупрозрачная черная лента, которую я рассмотрела с не меньшим вниманием, чем сам портрет, потому что тряпица подозрительно смахивала на черный капроновый чулок. Проверить, так ли это, я не смогла, потому что не увидела, заканчиваются ли ленты «ногами»: края были тщательно заправлены под портрет.

Фотография Димы мне понравилась. Судя по всему, портрет представлял собой наспех увеличенный фрагмент любительского снимка, сделанного в разгар какой-то корпоративной вечеринки. Правая щека Димы имела на себе помадный отпечаток характерной формы, а левую затенял какой-то небольшой пупырчатый эллипс. Этот предмет находился не в фокусе, но я с большой степенью вероятности опознала в нем насаженный на вилку маринованный огурчик. Из-за Диминого плеча выглядывало белое картонное ухо карнавальной маски зайчика, а сам покойник широко и радостно улыбался.

Искрометную жизнерадостность портрета в праздничном интерьере не способна была погасить даже траурная рамочка, и скорбный текст под фотографией казался совершенно неуместным. Зато я узнала из него много интересного. Во-первых, возраст усопшего: двадцать три года. Во-вторых, место и характер его работы: фирма «Планида», специалист по социальной инженерии.

Отойдя от стенда, перед которым стояла стеклянная ваза с четырьмя скорбно поникшими красными гвоздиками, я внимательно изучила громадную разграфленную таблицу, очень похожую на расписание самолетных рейсов в аэропорту. В одной из клеточек левой колонки обнаружилось название «Планида». Мне снова повезло: фирма, в которой работал Дима Желтиков, располагалась в одном из офисных помещений второго этажа. Не пришлось даже ждать лифта!

Прежде чем подняться по лестнице, я достала из сумки мобильник и набрала номер своего рабочего телефона.

– Слушаю, – густым голосом произнес в трубку наш режиссер.

– Слава, ты-то мне и нужен, – обрадовалась я. – Ты у нас такой умный, скажи, пожалуйста, что такое «социальная инженерия»? Если, конечно, не побоишься таких слов!

– Не побоюсь, – согласился Слава. – Насколько я понимаю, социальная инженерия – это примерно то, чем занимаешься ты, когда трясешь как грушу господина Лобанчикова.

– Правда? Ну, что-то в этом роде я и предполагала, – и я выключила сотовый.

Господин Лобанчиков – это некий несостоявшийся депутат Законодательного собрания края. Пару месяцев назад одна моя приятельница привела этого типа ко мне, потому что Лобанчикову нужно было срочно сделать предвыборный информационно-агитационный сюжет. Платить по официальным расценкам телекомпании кандидат не мог, поэтому мы сделали ему работу в частном порядке: отсняли материал личной камерой Вадика и смонтировали на домашнем компьютере Мити. Благо наши парни постоянно подрабатывают съемкой и монтажом свадеб и достаточно хорошо оснащены для выполнения таких «шабашек». Разумеется, никаких счетов мы Лобанчикову не выставляли, работали «под честное слово», и этот нехороший человек с нами не расплатился. Как организатор проекта я была в ответе за того, кого мы приручили, то бишь выручили. В результате уже третий месяц мне приходилось успокаивать встревоженных коллег и упрасивать их потерпеть еще немножко, а параллельно гоняться за бессовестно скрывающимся от меня Лобанчиковым, чтобы вытрясти из него честно заработанные нами деньги. Значит, это и есть социальная инженерия...

На всякий случай я позвонила еще Коляну.

– Кыся, привет, быстро скажи мне, что такое «социальная инженерия»! – попросила я.

– Социальная инженерия? – повторил муж. – На конкретном примере? Ну, это когда ты звякаешь юзеру, называешься сисадмином и просишь пароль, якобы чтобы пропатчить его софт для защиты от нового вируса, а сам просто хочешь слить инфу.

– Смысл я уловила, но повтори еще раз, – попросила я, запоминая сказанное как фразу на иностранном языке. – Ага, спасибо!

В общем, определенное представление о социальной инженерии у меня сложилось. Насколько я поняла, в наших широтах это нечто среднее между практической психологией и бытовым мошенничеством. Другими словами, если инженеры строительных специальностей строят здания, то специалисты по социальной инженерии «строят» других людей, мягко и ненавязчиво вынуждая их делать то, что нужно «строителю».

На разные лады повторяя про себя текст, озвученный супругом, я поднялась по лестнице на второй этаж и постучалась в дверь с табличкой «ООО «Планида»: юридические, бухгалтерские и прочие услуги. Посредничество широкого профиля». Гостеприимного приглашения войти не последовало, поэтому я обошлась без него.

Чопорная дама в строгом деловом костюме перевела неласковый взгляд с экрана компьютерного монитора на скрипнувшую дверь и вопросительно посмотрела на меня поверх очков.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я, бочком вдвигаясь в дверной проем. – Извините, с кем я могу поговорить по кадровому вопросу?

– Со мной, – неохотно призналась дама, нещадно трясая компьютерную мышку.

Очевидно, виртуальное животное не подавало признаков жизни.

– Проблемы с компьютером? – сочувственно спросила я.

– Мышь сдохла, – пожаловалась дама.

Я подошла поближе, взглянула через ее плечо на экран, перехватила компьютерного грызуна и сказала:

– Возможно, это клиническая смерть.

Я подергала мышиный хвост, проверяя стыковку с системником, и курсор на экране ожил.

– Вот и все. У меня тоже такое бывает.

– Вы специалист по компьютерам? – Взгляд и голос дамы заметно потеплели.

– Боже избави! Я специалист по социальной инженерии, – сказала я. – Ищу работу. У вас в компании случайно нет подходящей вакансии?

– Случайно есть, – немного удивленно ответила женщина.

Я-то ее словам ничуть не удивилась, потому что заранее знала, что покойный Желтиков служил тут этим самым социальным инженером и с его смертью надобность в подобной работе, наверное, не отпала, а вакансия открылась.

– А что вы знаете о социальной инженерии? – спросила дама.

– Хотите конкретный пример? Ну, вот: если назваться админом и выманить у юзера пароль под предлогом патча его софта для защиты от червя, а на деле просто слить с компа инфу – это и будет социальная инженерия, – бойко отбарабанила я.

Пример с кандидатом Лобанчиковым я решила пока приберечь.

Как я и ожидала, хакерская терминология мою собеседницу впечатлила.

– Какое у вас образование? – спросила она, жестом приглашая меня присесть на мягкий стул.

– Университетское, – ответила я, принимая приглашение. – Я дипломированный филолог.

– Значит, вы и языками владеете? – обрадовалась дама.

– Во всяком случае, общий язык с людьми обычно нахожу, – уклончиво ответила я.

Не рассказывать же ей, что польский я кое-как понимаю, по-болгарски худо-бедно читаю, а на английском совершенно свободно объясняюсь с греками-киприотами, у которых такой же

ограниченный словарный запас, как у меня, очень похожий акцент и великолепное пренебрежение к грамматике! Издержки университетского образования: знаешь всего понемножку и почти ничего досконально. Сознвая поверхностность полученных знаний, я могу утешаться только тем, что очень немногим людям в наше время известно, например, каков будет родительный падеж множественного числа слова «ухо» в старославянском языке. «Ушей»? «Ухов»? Нипочем не угадаете! «Ухь»! Однако не помню, чтобы это знание мне когда-либо пригодилось.

– Давайте-ка мы с вами заполним анкету, – предложила дама, вытаскивая из папочки на краю стола распечатанный бланк.

«Процесс пошел», – подумала я, мысленно показывая себе большой палец.

Примерно полчаса я самым добросовестным образом заполняла выданную мне анкету. Некоторые ее пункты меня искренне удивили. Например, сразу после стандартного блока, включающего информацию о паспортных данных, образовании и всяких-разных полезных умениях и навыках, следовал вопрос: «Не хотели ли вы когда-нибудь заняться сексом с членом своей семьи?» Я честно ответила: «Регулярно хочу заниматься сексом с членом своего мужа». Подумала и добавила: «И занимаюсь». Дама, потихоньку заглядывающая в заполняемый мной лист, негромко крикнула.

Пятью строками ниже обнаружилась новая каверза. «Придумайте несуществующее животное, напишите, где оно живет и чем питается», – просили составители анкеты. Не притормаживая, я недрогнувшей рукой написала: «Плоскобрюх длиннозубый! Живет в оконечном оборудовании сети абонентского доступа, питается кабельной изоляцией!» Дама крикнула дважды.

– Я вижу, с фантазией у вас все в порядке, – с уважением сказала она мне.

– Не жалуюсь, – кивнула я.

Честно говоря, художественный образ плоско-брюха длиннозубого я списала с обыкновенной мыши, которая долгое время жила в компьютерном центре редакции журнала «Резон». Зверек за обе щеки лопал обмотку компьютерных шнуров и с удивительной хитростью избегал мышеловок, клейких лент и прочих капканов, которыми программисты минировали свое помещение в таком количестве, что то и дело попадались в ловушки сами. Смерть умная мышь приняла неожиданную и нерядовую: это была гибель в стиле хай-тек, от дорогого современного компьютера «Макинтош», коим зверька попросту случайно придавили к стенке. На моей памяти это было самое оригинальное использование компьютерной техники! Программер, который расплющил мышку до состояния вышеупомянутого «плоскобрюха», собственноручно похоронил грызуна на клумбе, придавив мышиную могилку кафельной плиткой с надписью: «Невинной жертве технического прогресса».

– Достаточно, – сказала дама, забирая у меня лист, на полях которого я как раз собиралась несколькими штрихами вдохновенно набросать портрет легендарного плоскобрюха. – Думаю, мы возьмем вас на испытательный срок.

– А это долго? – я с сожалением проводила взглядом исчезающую в папочке бумагу, огорчившись тем, что меня прервали на самом интересном месте.

– Два месяца, – предупредила дама. – Впрочем, если вы хорошо справитесь с пробным заданием, этот срок может быть сокращен.

– Давайте ваше пробное, – легко согласилась я.

Походя расправившись с плоскобрюхом, я чувствовала себя в ударе.

– Ну, что бы вам поручить? – Дама задумалась. – Знаете, от нас совершенно неожиданно ушел один сотрудник, который занимался как раз социальной инженерией...

– С хорошей работы неожиданно не уходят! – заметила я, притворяясь, будто ничего не знаю о смерти Желтикова: мол, заглянула на огонек совершенно случайно.

– Ну, туда, куда ушел Дмитрий, рано или поздно уходят все, – философски заметила дама. – Печально, конечно, но смерть есть смерть, а жизнь есть жизнь. У Димы осталось одно

незаконченное задание, он только-только принял его в разработку, но сделать ничего не успел. Однако заказ оформлен, аванс за него получен, и работу нужно выполнить...

– Я постараюсь оправдать возложенное на меня доверие! – поспешила заявить я.

– В таком случае я попрошу Верочку ввести вас в курс дела. – Дама приняла решение и покричала в сторону приоткрытой двери смежной комнаты: – Вера, покажись!

В комнате что-то негромко стукнуло, по линолеуму прошлепали быстрые шаги, и на пороге появилась девица, обладающая замечательным сходством с австралийским кенгуру: рослая, с крутым задом и мощными ногами, но с короткими ручками и маленькой головой на длинной шее. Прическа в виде двух задорных хвостиков убедительно имитировала пару больших вздернутых ушей, вдобавок на девице был клеенчатый передник с большим полукруглым карманом на животе. Карман оттопыривался, и мне жутко захотелось в него заглянуть, чтобы увидеть его содержимое: уж не кенгуренок ли там прячется?

– Димкин стол я освободила, все бумажное из ящичков вытряхнула в коробку, пыль протерла, – доложила Вера, в подтверждение своих слов показывая влажную тряпку. – Вы бумаги его пересмотрите или мне выбросить все, как есть?

– Я, я пересмотрю эти бумаги! – поспешно вызвалась я. – Я буду работать вместо Димы, мне нужно вникнуть в особенности его манеры и вообще...

Вера вопросительно посмотрела на свою начальницу.

– Проводи и покажи, что есть по новому заказу Кочерыжкиной, – разрешила та.

Подпрыгивая от нетерпения, я в сопровождении Веры переместилась в соседний кабинет и с разбегу зарылась в коробку с бумагами.

Вопреки моим ожиданиям коробка оказалась маленькой, обувной, и бумаг в ней было немного – в основном цветные буклеты и каталоги различных фирм, пресс-релизы с презентаций и пригласительные билеты на различные пром-акции. Судя по всему, покойный Дмитрий Желтиков исправно посещал все рекламно-развлекательные мероприятия, проводимые фирмами-соседями.

– Учитывая количество размещающихся в здании компаний, светская жизнь здесь должна быть весьма оживленной? – озвучила я свои мысли для Верочки, внимательно наблюдавшей за тем, как я с азартом кладоискателя роюсь в коробке.

– Угу, – кивнула девушка. – А у Димы было достаточно времени, чтобы гулять, где ему хотелось и сколько хотелось. У него был ненормированный рабочий день и свободный график посещений, Наталья Степановна с него только за результат спрашивала.

Верочка завистливо вздохнула, и я поняла, что с нее-то Наталья Степановна спрашивает за все.

– Выходит, я тоже могу работать в свободном режиме? – обрадовалась я.

Хм, глядишь, смогу без ущерба для основной трудовой деятельности подработать тут социальным инженером!

– А что такое «заказ Кочерыжкиной»? – вспомнила я. – Чем я должна заниматься, вы мне расскажете?

Оказалось, что заниматься мне придется довольно странным делом. Некая мадам Кочерыжкина Анна Леонидовна уже во второй раз обращается в фирму «Планида» с просьбой помочь ей разрешить щекотливую проблему личного характера. В прошлом году Дима Желтиков очень удачно «разрулил» историю с супругом Анны Леонидовны, Эдуардом Рудольфовичем. Будучи руководителем довольно крупного предприятия, тот с некоторых пор завел крайне неприятное обыкновение крутить любовь с секретаршами. Так банально! Глубокими чувствами служебные романы Эдуарда Рудольфовича не отличались и продолжались в среднем один квартал плюс-минус неделя. Ротация секретарш-любовниц производилась регулярно – очевидно, господину Кочерыжкину таким образом было легче вести статистический учет и контроль. Анна Леонидовна в принципе против наличия у мужа любовницы не возражала, но

хотела видеть в этой роли какую-либо одну барышню, так как ей уже надоело ежеквартально собирать сведения об очередной пассии Эдуарда Рудольфовича – о ее характере, образе жизни, материальном положении и состоянии здоровья. Будучи женщиной трезвомыслящей, Анна Леонидовна не рассчитывала положить конец череде любовных походов мужа и кормильца и не просила специалистов «Планиды» преградить доступ к телу Эдуарда Рудольфовича. Суть первого «заказа Кочерыжкиной» сводилась к необходимости продления дежурной интрижки неверного супруга на срок до года. При этом Анна Леонидовна оставляла за специалистами «Планиды» право выбора конкретного способа решения поставленной перед ними задачи.

– И Дима решал такие проблемы? – спросила я.

– Еще и не такие! – хихикнула Верочка. – И неверных мужей в семье возвращал, и сбежавших жен с любовниками отыскивал, и с шантажистами договаривался! Рассказала бы я вам в лицах, какие ситуации он «разруливал», да не могу, информация конфиденциальная!

Теперь меня совсем не удивляло, что Дмитрий Желтиков во цвете лет погиб насильственной смертью. Похоже, что социальная инженерия, как ее понимают в «Планиде», – занятие весьма скользкое и совсем не безопасное!

Новое задание госпожи Кочерыжкиной вновь имело прямое отношение к ее благоверному. Анну Леонидовну сильно тревожили происходящие с ее мужем перемены: вот уже пару месяцев Эдуард Рудольфович проводил на работе гораздо больше времени, чем прежде, приходил совершенно измотанный и с несчастным выражением лица, а на ночь ежевечерне пил коньяк. При этом с женой и домашними он был необычайно кроток, грустно приветлив и совсем не ругался. Это-то и беспокоило Анну Леонидовну больше всего! Вот если бы глава семьи, вернувшись с работы, как прежде, первым делом раздавал бы всем сестрам по серьгам и беззастенчиво материл супругу за мотовство и транжирство, она чувствовала бы, что все нормально. Анне Леонидовне очень хотелось знать, что происходит с ее супругом. Таким образом, суть заказа сводилась к обстоятельной разведке ситуации в фирме Кочерыжкина. В идеале же мадам мечтала восстановить привычное положение вещей, при котором Эдуард Рудольфович вновь обрел бы статус-кво домашнего тирана.

Записав в блокнот все, что касалось унаследованного мной после Димы «заказа Кочерыжкиной», я попрощалась с Верочкой и Натальей Степановной, заверила начальницу в том, что буду рыть землю копытами не покладая рук и ног, и удалилась. Дошла до лестницы, оглянулась, убедилась, что за мной никто не следит, и юркнула в приоткрытую дверь под вывеской «Салон «Наина».

У меня возникла дельная, как мне показалось, мысль навести справки о конторе, сотрудницей которой я только что стала, у ближайших соседей «Планиды» по этажу.

Салон, в который я шмыгнула, был оформлен весьма претенциозно. В первый момент мне показалось, что я вдруг очутилась в лесу: сразу за порогом ламинат сменился мшисто-зеленым ковром, тут и там продырявленным древесными стволами. Покрытые морщинистой корой коричнево-серые колонны выходили из пола и вращались в потолок, затейливо раскрашенный под листву. С немногочисленных горизонтальных веток на уровне моего лица свисали плети лиан, выходящие зеленые побеги с цветами и цветочками, а в ориентированном точно на дверь дупле размером с почтовый ящик копошилась живая сова. Под еловой лапой, прикрывающей угол справа от входа, высилась простая деревянная скамья. Я присела на нее, с подозрением покосилась на стоящую в самом углу ивовую корзинку с грибами и неуверенно позвала:

– Ау! Есть тут кто-нибудь?

– Одну минутку! – отозвался приятный женский голос.

Минутка прошла, и из-за кисейной занавески, отделяющей дальний конец салона от лесополосы прихожей, ко мне вышла простоволосая дева в венке из васильков и длиннополом бязевом платье.

– Чего тебе надобно, девица? Зачем пожаловала? – хорошо поставленным голосом спросила лесная колдунья.

Заметив, что цветочки в ее патриархальном головном уборе искусственные, а из-под неподрубленного подола платья предательски выглядывают тупые носки кроссовок, я страхнула с себя наваждение и полезла в сумку за журналистским удостоверением.

– Заблудилась в вашем лесу, зашла погреться! – в тон колдунье сказала я. – Я с телевидения, собираю информацию для концерта «Русский дух». Это крупная косметическая компания, которая в самое ближайшее время выходит на отечественный рынок с уникальной парфюмерной продукцией. Для проведения ее презентации в нашем городе планируется привлечь местные фирмы, стиль и образ которых соответствует имиджу «Русского духа».

Безостановочно излагая эту чушь, я успела подумать, что, оказывается, вполне владею некоторыми приемами социальной инженерии! Я просто раньше не знала, что ненаказуемое мелкое жульничество, к которому иногда приходится прибегать с целью получения информации, может называться и социальной инженерией тоже!

– Для участников проекта, партнеров «Русского духа», выделены серьезные суммы на представительские расходы, а также многочисленные поощрительные призы. Кроме того, их товары и услуги получают неплохую рекламу, – вдохновенно врала я.

– А что нужно от нас? – деловито спросила дева, сдувая со лба мелированную прядь.

– От вас – только желание. Ну и, разумеется, заявка на участие.

– Чай или кофе? – спросила дева, подходя к глухой стене.

Я не успела ответить.

Лесная нимфа взялась за обрубленный сук выпирающего из стены древесного ствола, потянула его на себя, и за стилизованной под дерево панелью из гофрокартона открылась маленькая уютная комнатка с нормальным диваном и низким журнальным столиком, на котором стоял электрочайник.

– Чай или кофе? – повторила девушка, деловито хлопоча по хозяйству.

На столике появились фаянсовые чашки, коробочка с рафинадом и пакет пряников.

– Лучше чай, – попросила я, с удовольствием опускаясь на мягкий диван.

Гостеприимная хозяйка придвинула ко мне дымящуюся кружку и сказала:

– Сахар кладите по вкусу, один кубик соответствует половине чайной ложки.

– Я знаю, у нас в студии такая же коробочка, – сказала я. – Давайте знакомиться: я Лена.

– А меня Ниной зовут, – представилась дева.

– Нина из салона «Наина»?

– Это не в честь жены Ельцина, – поторопилась объяснить Нина.

– Я догадалась, это в честь пушкинской Наины из «Руслана и Людмилы», – кивнула я. – Простите, а вы чем тут занимаетесь?

– Волхвуем помаленьку, – хихикнула девица. – Вы не возражаете, я форму сниму?

Не дожидаясь ответа, она развязала кушак на талии и стянула через голову просторное платье. Только сейчас я заметила, что пасторальный веночек Нина сняла еще раньше – сняла и повесила на специальный крючок на дверном косяке. Оставшись в джинсиках до колена и маечке с бахромой, девушка опустилась на диван рядом со мной и надкусила пряник.

– У нас тут шалон магишешких услуг, – пробормотала она, энергично работая челюстями. – Приворот, отворот, заговоры на то на се, обереги и разная прочая муть в том же духе.

– Головы людям дурите? – беззлобно поинтересовалась я.

– Ну, как сказать? – Нина почесала висок, примятый цветочным убором. – Кто в это верит, тому помогает. Марьяна, наша штатная ведьмочка, уверяет, что она не шарлатанка, потомственная колдунья и все такое прочее. Сама-то я только посетителей привечаю, на прием записываю, за очередь слежу, если Марьянка уже здесь и работает. Она у нас с недавних пор молодая мамаша, официально в декрете числится, поэтому работает с половинной нагрузкой,

когда с дочкой бабка сидит. Вот через полчаса должна прибежать. Хотите, и вам поворожит? Бесплатно!

– Спасибо, не надо, я от таких вещей стараюсь держаться подальше, – призналась я. – На всякий случай.

– И правильно, – вздохнула Нина. – Знаете, какие истории бывают? Вот заказала одна девчонка освободить мужа от постылой жены – ну, отворожить просто, а жена эта возьми да и помри! Случайность, конечно, дикое совпадение, а девчонка теперь себя в ее смерти винит, казнится, плачет! К Марьянке прибежала, с кулаками накинута: ты, говорит, меня неправильно поняла, я только хотела, чтобы мужик от жены ушел и со мной остался!

– Ужас, – согласилась я.

Мы немного поговорили о работе салона, а потом я еще раз, уже более подробно, рассказала доверчивой Нине свою легенду о несуществующей компании «Русский дух». Записала в блокнот телефончик хозяйки салона и аккуратно вывернула на интересующую меня тему, спросив, нет ли среди соседей «Наины» по этажу иных фирм, которые могут быть интересны организаторам мифического проекта.

– Тут недалеко от вас расположена какая-то «Планида», – «вспомнила» я. – Судя по названию, это тоже какой-то магический салон?

– «Планида»-то? Нет, что вы! – пренебрежительно махнула рукой Нина. – Это просто брачное агентство!

– Да неужели?

– Точно вам говорю! Мы же тут все рядом сидим, чай вместе пьем, за булочками бегаем, болтаем в перерыв. «Планида» – это брачное агентство и служба знакомств. Я сама к ним ходила посмотреть каталог потенциальных женихов!

– Ну, и как женихи?

– Честно говоря, плюнуть не на кого! – призналась Нина. – Я в «Планиде» только одного симпатичного парня видела, но не на фото в базе данных, а живьем. Есть там один такой Дима...

Девушка мечтательно закатила глаза.

С трудом удержавшись, чтобы не сказать ей, что симпатичного Димы уже нет ни в «Планиде», ни вообще в этом мире, я закончила нашу приятную беседу за чашкой чая и откланялась.

Было семнадцать с чем-то. Сменить няню, пасущую на протяжении трудового дня нашего Масяньку, я должна была в шесть. Прикинув, что вполне успею по дороге домой сделать еще один шаг в своем расследовании убийства Дмитрия Желтикова, я забежала на железнодорожный вокзал и сунулась в стеклянную каморку «Горсправки». Спасибо добросовестным составителям некролога, вывешенного на стенде в холле покинутого мной офисного здания, я владела полным набором сведений, необходимых для выяснения места жительства гражданина Желтикова. Раз уж мне не удалось толком расспросить о покойнике его бывших сослуживцев, неплохо было бы пообщаться с Димиными соседями, а также с его родными и близкими.

Нужную мне информацию я получила в считанные минуты, потому как вокзальное справочное бюро с недавних пор было оснащено современной компьютерной техникой. Таким образом, мне стало известно, что покойный Дмитрий Желтиков проживал в городе Екатериноде по адресу: Пионерский микрорайон, улица Школьная, восемь.

Судя по всему, «восемь» – это был номер дома по улице Школьной. Дом этот, видимо, был частным, иначе мне сообщили бы и номер квартиры. Частные дома в «спальном» Пионерском есть только во второй очереди микрорайона – в чистом поле за лесополосой и железнодорожной веткой. Я это знала наверняка, потому что сама пару лет жила в Пионерском-2 и частенько гощу там у моей лучшей подруги. Ирка с мужем Моржиком живут в большом доме с любовно ухоженным приусадебным участком, люди они очень гостеприимные, и мое семей-

ство в полном составе регулярно зависает в Пионерском на уикенд. Колян с Моржиком жарят шашлыки и инспектируют состояние винного погреба, Масянька осваивает верховую езду на овчарке Томке, а нам с Ирккой всегда есть о чем поговорить. Мы вместе пережили немало приключений, зачастую небезопасных, но всегда увлекательных.

Поэтому подруга ничуть не удивилась моему позднему звонку. Я как раз уложила спать сынишку, подала ужин припозднившемуся с работы супругу и могла немножко повисеть на телефоне.

– Привет! – бодро сказала я подруге. – Как жизнь, что у вас нового?

– У нас в саду новый ежик, – радостно поведала Ирка. – Красивый – глаз не оторвать!

Я немножко удивилась. Что такого особенно красивого может быть в еже?

– С позолоченными колючками, что ли? – спросила я.

– Нет, зелененький, как молодой кузнечик! На три тона светлее наших елочек! – сообщила Ирка.

В возрасте кузнечиков я не разбираюсь, но елочки, высаженные Ирккой и Моржиком вблизи собственноручно организованной альпийской горки, я помнила достаточно хорошо, поэтому окрас хваленного зелененького ежика вполне могла себе представить. У меня другое не укладывалось в голове: за каким бесом они покрасили ежа?

– Зелененький, значит, – повторила я, не зная, что сказать. – Ир, а зачем он вам?

– Как это – зачем? – Судя по тону, подругу мой вопрос сильно шокировал. – Да сейчас у каждого уважающего себя домовладельца в саду есть что-нибудь подобное! У кого – ежик, у кого – дельфин или крокодил, а то и все вместе! Мода такая!

– Крокодила хотя бы красить не надо, он и так зеленый, – рассудила я. – А с дельфином, наверное, мороки много: краска-то нужна водостойкая, иначе смоеется вся к чертовой бабушке...

– Какая краска?

Ирка немного помолчала, а потом закричала в трубку:

– Идиотка! Ты что, решила, что наш ежик живой?

– Вы что, покрасили дохлого ежика?! – ужаснулась я.

– Нет, это я сейчас сдохну! – пожаловалась подруга. – Ленка, ты меня уморишь! Наш зеленый ежик – это такая садовая скульптура! Ну, украшение для клумбы, мы его с Моржиком сами сделали из декоративных растений! Ты что, никогда не слышала про ландшафтный дизайн? Ты серость!

– Не всем же быть зелеными, как ваш еж, – сконфуженно огрызнулась я. – Ладно, закроем эту тему! У меня к тебе вопрос: улица Школьная в Пионерском-2 – это далеко от вас?

– Какой номер? – деловито уточнила подружка.

– Восемь.

– Школьная, восемь? Ближе некуда! Мы соседствуем огородами!

В переводе это означало, что участок, на котором построен дом подруги, граничит по дальней линии с тыльной частью домовладения покойного Желтикова.

– Вот это удача! – бурно обрадовалась я. – Иришка, а ты случайно не знаешь, кто там живет?

– Вроде баба какая-то, – неуверенно сказала подруга. – Точно не знаю, мы не общаемся.

– Ты уверена, что баба? По моим сведениям, должен жить молодой мужик! – нажала я. – Ирка, напряги память! Я помню расположение комнат в твоём особняке, соседи по задворкам должны хорошо просматриваться из окон библиотеки на втором этаже!

– А что мне делать в библиотеке? – обиделась подруга. – Я туда раз в неделю поднимаюсь, чтобы пыль снести! И в это время смотрю не в окна, а на книжные полки! В чужие дворы твой пес тарашится, а не я! Весь в хозяйку, такой же любопытный!

Я оставила «наезд» без внимания. Том – отличная собака и прекрасный товарищ, а то, что он любопытен, его нисколько не портит, скорее наоборот, украшает. И вообще чем еще заниматься бедному песику, запертому на десяти сотках, если не наблюдать за происходящим снаружи? Хорошо еще, у самой земли глухой двухметровый забор превращается в крупноячеистую решетку, есть хоть куда заглянуть!

– Придется тебе, Ирусик, срочно познакомиться с соседями, – сказала я. – Мне очень важно знать, кто они такие.

– Конкретнее, – потребовала Ирка.

– Если конкретнее, то на Школьной, восемь, прописан некий Дмитрий Желтиков.

– Ты говоришь – прописан? А где живет?

– Ну, с недавних пор вообще нигде, – призналась я. – Его новый адрес уже на том свете! Этого парня минувшей ночью зарезали на нашем балконе, и я намерена срочно выяснить, кто это сделал, чтобы знать, не следует ли отказать от дома кое-кому из старых знакомых!

– А кто у вас был минувшей ночью, кроме покойника? – ревниво спросила Ирка. – Небось назвали полный дом всякой шушеры, а теперь удивляетесь, что кого-то убили!

– Ирусик, не сердись, мы никого не звали, гости пришли сами по себе, – сказала я. – Андрюха с Галиной и Сашка с Надей, да еще этого Диму с собой притащили. А он вообще посторонний человек, его никто даже не знал, Андрюха подобрал убогого, потому что тому ночевать негде было!

– Убогий – это калека, что ли? – спросила Ирка.

– Да нет, молодой симпатичный парень, руки-ноги у него целы были, да и все остальное, я думаю, тоже.

– Высокий? – зачем-то спросила подруга.

– За метр восемьдесят пять, я думаю.

– Тогда его Андрюха убил, точно! – убежденно сказала Ирка. – Он сам-то ростом с полярную березку и всех высоких мужиков тайно ненавидит, потому что завидует им!

– Тогда он первым должен был убить Коляна, – не согласилась я. – Колян выше Димы, в нем без пяти сантиметров два метра!

– Коляна, наверное, труднее было бы грохнуть, ты вокруг него держишь такую круговую оборону, что никто не подобрется! – возразила подруга. – А этого вашего приемыша, насколько я понимаю, замочить было легче легкого.

– И не хочется, да жаль упускать такой случай? – процитировала я любимого О'Генри.

– Ага. Вот Андрюха и воспользовался okazjiей.

– Я над этим подумаю, – пообещала я. – А пока можно тебя попросить о помощи? Не счити за труд, наведайся на Школьную, восемь, и разузнай, что сможешь, про этого Желтикова: что он был за человек, с кем дружил, а особенно – с кем ссорился...

– А что мне за это будет? – поинтересовалась подруженька.

– А что ты хочешь?

– Дашь мне в субботу Масыньку напрокат! Я поведу его в аквапарк! – потребовала Ирка.

У них с Моржиком пока нет своих потомков, и подруга при случае самозабвенно тетешкается с младенцами друзей. Нашего Масыню тетя Ирка во всех смыслах таскает на руках, и ребенок ее просто обожает.

– Ой, сколько угодно! – обрадовалась я. – Я хоть немножко отдохну! Только в какой аквапарк ты собираешься, разве сезон работы водных аттракционов на открытом воздухе уже начался?

– По телевизору сегодня сказали, что в Кубани уже купаются!

– Ирка! Сколько раз тебе твердить: не верь всему, что говорят по телевидению! – укорила я наивную подружку. – В Кубани пока что купаются только моржи и идиоты!

– Но ты же, я видела, купалась?! – Ирка не упустила возможности воткнуть в меня булавку. – И кто ты после этого: морж или идиотка?

– В Кубани сейчас купаются только моржи, идиоты и я, – поправила я предыдущее заявление.

– Тогда мы пойдем в цирк, – постановила Ирка.

– Договорились, – кивнула я. – Пожалуйста, не откладывай с походом на Школьную, постарайся разведать все, что можно, прямо завтра. Созвонимся ближе к вечеру, хорошо? Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – эхом повторила Ирка.

Я всем сердцем надеялась, что нынешняя ночь действительно будет спокойнее предыдущей, и поэтому баррикады перед входной и балконной дверьми построила облегченные: просто расставила вдоль порожков Масынькин игрушечный транспорт, по пять машинок на каждом рубеже. Если кто-то попытается вторгнуться в квартиру, легким испугом не отделается: ничто так не способствует обзаведению синяками и шишками, как ходьба по коварно выскальзывающим из-под ног инерционным машинкам!

Вторник

Ночь прошла без эксцессов, и это меня очень порадовало: готовя завтрак, я весело напевала и бодро брэнчала посудой. Тем временем малыш с неудовольствием обнаружил, что его машинки почему-то находятся не там, где обычно, и принялся их собирать. Переноса охапку автомобильчиков из прихожей в детскую, Масынька мимоходом уронил одну игрушку. Красная «Альфа Ромео» размером со спичечный коробок упала в Колянову туфлю и коварно затаилась в длинном носке.

– О боже! Что это?! – вскричал Колян получасом позже.

Истерические нотки в голосе отца и мужа вынудили нас с Масынькой прекратить процесс заправки постелей и выскочить в прихожую с подушками в охапках.

– Что, опять?! – спросил Колян, вытряхивая из туфли жужжащий предмет.

Недоверчивое удивление, отчетливо прозвучавшее в голосе супруга, было мне понятно без объяснений. У нас много лет жил домашний любимец, кот Тоха, которому его чистопородная шиншиллистая персидскость нисколько не мешала при случае замечательно ловить мышей, крысят и тараканов. Делал он это из чисто бескорыстного интереса, потому как добычу не ел и даже не надкусывал, а в целости и сохранности складывал в тапки хозяина дома. Эта добровольная вассальная зависимость Коляну льстила, но ощущать под ногой хрустящий хитин тараканьего панциря или мокрую мягкую мышь было, я думаю, очень неприятно. Со временем у Коляна выработалась привычка предварять процесс обувания тщательной проверкой туфель и кроссовок на предмет посторонних вложений, и прошла эта фобия совсем недавно, примерно через год после смерти состарившегося кота. И вот, пожалуйста!

– Это просто машинка, – успокаивающе сказала я, увидев, что именно вывалилось на пол из мужней туфли.

Колян стоял, замахнувшись снятым башмаком, словно бейсбольной битой. Наверное, приготовился с размаху шарахнуть обувкой по предполагаемому таракану.

– Масын! – торжествующе вскричал малыш, утаскивая красную «Альфу Ромео» на парковку в детскую.

– Спокойствие, только спокойствие! – сам себе сказал Колян, слегка подрагивающими руками натягивая на ногу туфлю.

– Пустяки, дело-то житейское! – подхватила цитату я.

Колян посмотрел на меня мрачным взором, чмокнул надутыми губами воздух и удалился. Еще полчасом позже, сдав вахту няне, убежала на работу и я сама.

– Привет! Сегодня я твой! – радостно объявил мне Вадик, дожидавшийся моего появления уже во дворе, у служебной машины.

– За что мне такое счастье? – спросила я, принимая из рук оператора листочек «путевки» с редакционным заданием.

– Ты имеешь в виду дежурную съемку или работу со мной? – уточнил Вадик.

– Задание мне нравится, «Смотр качества хлебобулочной продукции» – это звучит неплохо, – заметила я, усаживаясь в машину. – А что касается тебя, так ты, Вадька, очевидно, выдан мне в нагрузку? Чтобы мне жизнь малиной не казалась? Полагаю, Наташа после вчерашнего отказалась с тобой работать?

– Неблагодарная! – Вадик надулся и в сердцах громко хлопнул дверцей. – Сколько я для нее всего снимал, хорошего и разного! А теперь мне говорят: «Еще раз облажаешься, к камере не приближайся!»

– Еще раз стукнешь дверцей, пойдешь пешком! – предупредил водитель.

– Еще раз сегодня услышу от кого-нибудь «еще раз», совершу что-нибудь ужасное! – заявил Вадик.

– Только не сейчас, – попросила я. – Ужасов мне нынче и без тебя хватает.

Машина медленно катила по улице, забитой автомобилями, водитель тихо ругался.

– Слышь, Вадька? – позвала я, не оборачиваясь. – На всякий случай я тебя предупреждаю: я не Сима, мне красивые девчонки в кадре не нужны, так что можешь никакое бабье не снимать.

– Угу, – буркнул оператор.

Справедливости ради надо признать, что свою работу он на сей раз выполнил хорошо. Единственное, что удивило монтажера, с которым мы готовили сюжет к эфиру, так это то, что в кадре были только мужчины.

– Вот не думал, что технолог хлебобулочного производства – чисто мужская профессия! – удивлялся Митя.

Я не стала объяснять, что это Вадик понял мою просьбу не повторять свою вчерашнюю ошибку как тотальный запрет на съемки всех до единой особой женского пола.

– Лен, тебя у себя к телефону! – приоткрыв дверь монтажной, прокричал в щелочку кто-то из техников.

Я прошла в редакторскую, взяла лежащую на столе трубку и услышала нервно «аллекаящую» Ирку.

– Алле, Ленка, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Через пять минут выходи в кафешку, я подъеду! – прокричала она.

Судя по характерному интершуму, подруга звонила мне из машины.

– А что случилось? – насторожилась я.

– Это не телефонный разговор! – заявила подруга.

Встревоженная, я вышла из здания телекомпании, перебежала через дорогу и заняла столик в маленьком кафе, где в дни футбольных матчей собираются фанаты местной команды. Телевизор на стойке показывал что-то тематическое, какие-то дюжие дядьки в трусах и гольфах бегали по аккуратно подстриженному газону за пятнистым мячом. Травка была зелененькая, сочная, очень аппетитная. Как говорит моя коллега Оля: «Когда я вижу такую траву, то завидую коровам». Не без оснований, кстати говоря: я как-то делала сюжет про наш стадион и с тех пор знаю, что футбольное поле – это очень сложное агротехническое сооружение. За качеством зеленого покрытия следит целая бригада трудолюбивых теток, которые по всем правилам науки готовят газонную смесь из нескольких видов трав и без усталости пропалывают сорняки и «штопают» проплешины. Косят траву на поле дважды в неделю, и из бункера газонокосилки в мусорные баки высыпается аппетитно пахнущая зеленая каша, представляющая собой идеальный корм для жвачных. Владельцы козочек, кроликов и хомячков со всей округи приходят с пакетами к мусорным контейнерам стадиона за витаминной смесью для своих питомцев.

– О чем ты думаешь? – прервала мои пасторальные мысли о зеленых пастбищах подопевшая Ирка.

– О кроликах и козах, – честно призналась я.

– О копытных, значит? Это правильно. Ты мне такую свинью подложила! – заявила подруга, устало обмахиваясь подхваченным со столика меню. – Фу-у, пить хочу!

– Закажи коктейль «Пенальти», – посоветовала я. – Фирменный напиток! Я сама не пробовала, но Вадик говорил, что эта штука пробивает человека насквозь!

– Мало тебе чужих трупов, хочешь и меня уморить? – посоветовала Ирка.

Упоминание о трупах во множественном числе меня неприятно удивило.

– Кто-то еще помер, кроме Димы? – догадалась я.

– Ну! И я нашла труп!

Около девяти часов утра, проводив на работу мужа, Ирка перемыла оставшуюся от завтрака посуду, вытянула из морозилки брусок замерзшей до каменной твердости говядины,

брякнула мясной кирпич в мойку и на сем временно закончила приготовления к обеду. Никаких особенных дел у нее нынче не было: уборку в доме она сделала вчера, а с дежурной стиркой дорогая стиральная машинка обещала справиться без участия хозяйки. Ирка вышла в сад, полюбовалась немного новой клумбой с самшитовым ежиком и вспомнила о моей просьбе заглянуть к соседям на Школьную, восемь.

Некоторое время она придумывала повод для визита, потом еще раз посмотрела на ежика, и ее осенила идея предложить обитателям соседнего дома семена цветов для открытого грунта и саженцы декоративных растений. Принадлежащая Ирке и Моржику фирма «Наше семя» с успехом занимается реализацией такого рода продукции на кубанском рынке. Мне лично название «Наше семя» кажется двусмысленным, но в коммерческом плане оно оказалось удачным, что подтверждает постоянный рост продаж. Наверное, что-то в этом нехитром словосочетании задевает патристическую струнку потенциального покупателя.

Найденная мотивация Ирку приободрила: в свете поиска нового перспективного клиента поход к соседям мог принести вполне ощутимую пользу. Ирка сменила домашний халат на приличный костюм, взяла охапку каталогов и буклетов «Нашего семени» и в обход квартала пошла к соседскому дому по огороду.

Забора перед домом на Школьной не было, только невысокая живая изгородь на западный манер. Ирка обошла этот зеленый барьерчик и по брусчатке узкой дорожки приблизилась к парадной двери, украшенной массивным кольцом-стучалкой.

– Руки у меня были заняты буклетами и проспектами, поэтому стучать и звонить было нечем, – сказала Ирка. – Я просто толкнула дверь задом, и она открылась. Думаю, это хорошо, потому что я не оставила там отпечатков своих пальцев.

Она на секунду замолчала, а потом опасливо спросила:

– Ты не знаешь, криминалисты снимают только следы рук?

– Ты хочешь знать, собирают ли они отпечатки задниц? – насмешливо хмыкнула я. – Думаю, нет. Хотя ментам, наверное, было бы интересно «откатывать» не пальчики, а попки, но на твою корму, извини, конечно, никакой штемпельной подушечки не хватит! К тому же ты была не голышом, стало быть, никаких индивидуальных следов типа папиллярных линий или целлюлитного рельефа не оставила. Вот если бы дверь была свежеекрашена, тогда стоило бы беспокоиться.

– Дверь была совершенно чистая и сухая, – подумав, сказала Ирка. – Зато сразу за ней было очень сыро!

Ковролин, покрывающий пол в холле, был насквозь мокрым и противно чавкал под ногами. Топчась по этому болоту, Ирка несколько раз громко позвала хозяев – в принципе, это следовало сделать, еще стоя на крыльце, но некультурно вопить во все горло вблизи цивилизованного особняка подруга постеснялась. Вопить внутри, по ее мнению, было не зазорно.

Никто не отзывался и не появлялся. Ирка внимательно всмотрелась в сумрак коридора, и ей показалось, что прямо за порошком тихо плещется вода. Это ее встревожило.

– Сама знаешь, центрального водоснабжения в нашем районе пока нет, и почти в каждом доме установлен свой бак, в который вода закачивается насосом из персональной артезианской скважины, – напомнила мне Ирка. – Относительно небольшой бак на три тысячи литров – это примерно десять стандартных ванн, наполненных до краев. Если вылить всю эту воду прямо в дом – такой, как этот, на Школьной, то стулья по комнатам плавать не будут, но ноги по щиколотку замочишь.

Подумав, что хозяева особняка скорее всего спокойно спят в не затронутых наводнением комнатах на втором этаже и знать не знают о ЧП, домовитая Ирка решила в одиночку бороться с паводком. Она резонно рассудила, что за оказанную услугу спасенные граждане будут ей благодарны и, стало быть, отнесутся к незваной гостье особенно внимательно. Не обращая

внимания на то, что промочила и чулки, и туфли, подруга двинулась по коридору в поисках источника протечки.

В дальнем конце коридора темная вода была позолочена светом, сочащимся из-за неплотно прикрытой двери. Ирка просунула в щель руку с буклетами, распахнула дверь настежь, громко сказала:

– Тук, тук, тук! Кто не спрятался, я не виновата! – и, не дождавшись ответа, вошла в ванную комнату.

– И как вошла, так и вышла, потому что кое-кто там действительно спрятался – под водой, – сказала она, содрогнувшись. – Мне еще с порога было видно, что в ванне плавает труп, так что я даже не пыталась с ним разговаривать. Вернее, с ней: труп был женский.

– Ты это так сразу поняла? – не поверила я. – И то, что в ванне труп, и то, что он женский?

– Если из переполненной ванны подтопленной ивушкой торчит одинокая заостреневшая рука с дюймовыми накладными ногтями, что тут можно не понять? – огрызнулась Ирка. – Или, ты думаешь, мне нужно было подгрести поближе и пощупать пульс на запястье? Ну уж, дудки! По-моему, если баба вся, кроме одной-единственной руки, черт знает сколько времени спокойно лежит под водой, значит, она утонула!

– Значит, ты к ней не подошла? – уточнила я. – Так и вымелась из дома, никуда не заглянув?

– В ванну, правда, больше не заглядывала, – призналась Ирка. – А чего мне там было искать? Вода из крана уже не лилась, видно, бак опустел, так что пик наводнения прошел, и в спасателях здесь явно никто не нуждался. А в комнату, смежную с ванной, я все-таки зашла, но ничего интересного там не увидела.

Смежной с ванной комнатой оказалась спальня, красиво меблированная, с большим зеркалом во всю стену и встроенным платяным шкафом. На застеленной кровати лежало аккуратно расправленное платье, а туфли плавали в тихой заводи под гримировальным столиком.

– Платье было черное? – уточнила я.

– Точно! Как ты догадалась? – Подруга посмотрела на меня с некоторым испугом.

– Элементарно, Ватсон! – сказала я. – Ясно же, что эта утопленница была либо подругой, либо матерью или сестрой убитого Дмитрия Желтикова, а его как раз сегодня должны похоронить. Наверняка она собиралась на печальную церемонию, так что платье, разумеется, должно быть траурным.

– Мне казалось, что безутешные вдовы и матери обычно не наряжаются на похороны, как в оперу, – желчно заметила Ирка. – Видела бы ты это шелковое платье с декольте глубиной в Марианскую впадину! И туфли на двенадцатисантиметровой шпильке! А в ванну с ароматизированной пеной она за каким чертом полезла?!

– Ладно, давай не будем обсуждать незнакомого человека, – попросила я. – Тем более незнакомую покойницу!

Мы немного помолчали и сосредоточенно допили свои напитки: я – остывший кофе, а Ирка – выдохшуюся газировку.

– Ты на похороны Димы пойдешь? – спросила меня подруга.

– Вообще-то меня никто не звал, – задумчиво сказала я. – Наверное, пойти нужно, ведь этого парня убили в моем доме. Опять же на поминках можно было бы разузнать побольше о личности Желтикова, но как я объясню свое присутствие коллегам покойника? Они же не в курсе, что мы с усопшим были знакомы, я изображала в «Планиде» совершенно случайную тетку...

– О чем ты говоришь, я не понимаю, – досадливо сказала Ирка. – Какая «Планида»? Какие товарищи усопшего? Другие покойники, что ли?

– Типун тебе на язык!

Я кратко пересказала Ирке события вчерашнего дня.

– Ну, и чего ты думаешь? В чем проблема-то? Ты же теперь член коллектива, в котором трудился покойный Желтиков! Более того, ты унаследовала его работу! Разве это не повод для того, чтобы проводить товарища в последний путь? – спросила подруга.

Я тут же с ней согласилась и, не вставая из-за столика, прозвонила с мобильного в телекомпанию, окна которой мне были прекрасно видны сквозь витринное стекло кафешки. Наташа, влекущая нынче тяжкую ношу обязанностей дежурного редактора, очень неохотно, но все же отпустила меня с работы пораньше. Каюсь, я соврала, будто у меня страшно разболелась голова и мне совершенно необходима прогулка на свежем воздухе.

– Это почти правда, – заметила Ирка, выходя со мной из кафешки на площадку, где стояла ее машина. – Городское кладбище находится под открытым небом, и свежего воздуха там навалом, дыши – не хочу!

Первой, кого я увидела в небольшой группе людей у открытой могилы, была давешняя дама из «Планиды», Наталья Степановна. В глухом черном платье она величественно стояла у самого гроба, принимая соболезнования.

– И вы здесь, милочка? – немного удивленно произнесла она, когда я подошла положить пару красных гвоздичек.

– А как же! – воскликнула я, тактично приглушив голос. – Я ведь теперь тоже член вашего дружного коллектива, и покойник приходился мне коллегой – как-никак тоже специалист по социальной инженерии. Искренне жалею, что уже не смогу у него поучиться, как нужно работать. Кажется, несмотря на свою молодость, Дмитрий был отличным специалистом!

– Да, у Димы многому можно было поучиться, – согласилась со мной начальница.

– Это был очень энергичный молодой человек с редкой способностью успешно трудиться под давлением времени и обстоятельств, изобретательный, артистичный и целеустремленный! В прошлом году он почти два месяца работал в вечернюю смену поваренком в китайском ресторане, где регулярно встречалась парочка, находящаяся у нас в разработке!

– Да, это подвиг, – убежденно кивнула я. – Я бы так не смогла! У меня вся эта азиатская кулинария вызывает стойкую неприязнь. Вы знаете, что утку по-пекински перед смертью бьют палкой, чтобы мясо стало мягче?

– В самом деле? – заинтересовалась Наталья Степановна. – А вы не знаете, с замороженным бройлером этот трюк не пройдет?

– С курицей? – Я задумалась. – Я лично ее палкой не бью, только молоточком для мяса и то уже после разделки, когда разрежу на куски ножом...

– Может быть, ты оставишь кровавые подробности на потом? – спросила меня в ухо Ирка.

– Поговорим об этом после, хорошо? – улыбнулась я начальнице. – Может быть, мне, как члену коллектива, надлежит принять какое-нибудь участие в организации процесса?

– Да-да, подойдите к Верочке, она даст вам повязку, – скороговоркой ответила Наталья Степановна, отворачиваясь от меня к очередному соболезнующему.

С Иркой на буксире я отплыла в сторонку, нашла неподалеку от группы мужиков с лопатами кенгуристую Верочку, получила траурную нарукавную повязку и спросила:

– А почему у гроба стоит наша начальница, а не родственники усопшего?

– Ой, это очень грустная история! – всплеснула руками Верочка, которой явно хотелось поговорить.

– Расскажите ее нам, – попросила я.

– Да-да, расскажите! – повторила Ирка, вытягивая ушки в трубочки.

В Верочкином изложении «очень грустная история» выглядела так. У Димы Желтикова на целом свете не было никаких родственников, кроме любящей мамы. Мать и взрослый сын жили вместе и очень трогательно заботились друг о друге: Димочка, если задерживался на работе, обязательно звонил мамочке и говорил, когда его ждать домой. Димина матушка не

работала, имела приличный счет в солидном банке и решала все свои проблемы с помощью фирмы «Планида».

– Мы ведь и юридической деятельностью занимаемся, и сопровождением сделок, и услугами типа «разное», – Верочка выдала нам очень интересную информацию.

– Стало быть, похороны Димы организовала тоже «Планида»? – спросила Ирка.

– И похороны его матушки тоже проведем мы, – кивнула Верочка. – Вы знаете, что она умерла?

Мы с Иркой отрицательно замотали головами, всячески показывая, что ничего не знаем о смерти мадам Желтиковой.

– Она вовсе не Желтикова была, – поправила нас Верочка. – Эту фамилию носил Дима. А маму его звали по мужу – Аделаида Петровна Титоренко.

– И она умерла? – влезла нетерпеливая Ирка.

– Сегодня утром, в день похорон сына! Так трагично! – Верочка прижала руки к груди, помяв букет гвоздичек. – И обнаружил ее наш водитель! То есть водитель машины, которую «Планида» прислала за Аделаидой Петровной, чтобы везти ее на похороны сына.

– Как же она умерла? Неужто руки на себя наложила? – Ирка, затаив дыхание, ожидала ответа.

Мне не нужно было объяснять природу ее интереса.

– С ней случился сердечный приступ, – ответила Верочка. – Очень неудачно получилось, Аделаида Петровна как раз ванну принимала, ей стало плохо, и она захлебнулась...

– Ужас! – полным кровожадного удовлетворения голосом заявила Ирка.

Я поняла, что она радуется тому, что смерть Диминой матушки имела естественные причины.

– Ах, теперь у компании будет столько забот, – доверительно поведала мне болтушка Верочка. – Предстоит разбираться с волеизъявлением покойной, ведь завещание она оформляла тоже в нашей конторе. Впрочем, не знаю, кому усопшая отписала свое имущество. Если сыну, так он ведь уже умер! Придется поискать наследников.

– Это очень, очень интересно, – безразличным тоном припечатала Ирка, увлекая меня в сторону.

Я успела только мимоходом бросить комок земли в могилу, куда уже опустили заколоченный гроб, и кивнуть на прощание Наталье Степановне.

– Значит, у этой Аделаиды был инфаркт, и потом она утонула, – повторила Ирка, когда мы уже отъехали на порядочное расстояние от кладбища. – Это хорошо. Честно говоря, я очень боялась, что меня обвинят в ее смерти.

– Только потому, что ты первой нашла труп? Или у тебя были какие-нибудь причины для убийства этой тетки? Давай колись!

– Причин вроде не было, – неуверенно протянула подруга. – Но ты же знаешь ментов, они быстренько придумают мотив преступления, лишь бы кому-то его приписать!

– Точно! Возьмем, к примеру, Серегу Лазарчука! – Я с готовностью подхватила тему. – Наш дорогой капитан никогда не упустит возможности объявить меня асоциальной личностью, при более или менее деятельном участии которой совершается половина всех кровавых преступлений в городе!

Ирка посмотрела на меня с укором:

– Но ведь это в твоём доме вчера погиб человек!

– А рядом с твоим он погиб сегодня! – отбрила я.

– Один – один, – кивнула Ирка.

Я победно улыбнулась и всмотрелась в боковое окошко автомобиля. Мы как раз проезжали мимо парка, где в этот час должен был выгуливаться мой ребенок с няней.

– Останови возле «Чертова колеса», – попросила я подругу. – Кажется, я вижу на площадке с лошадками своего Масяньку. Точно, это он! В красной шапочке, рядом белый пони, смотри, он бьет...

– Копытом? – подсказала Ирка, притормаживая.

– Нет, лопаткой от набора для песочницы!

– Мася бьет лопаткой пони?! – ужаснулась Ирка. – Не может быть, он очень добрый мальчик!

– Мася бьет лопаткой по луже! И брызги летят во все стороны! – ответила я, выпрыгивая из машины и стартуя в направлении лошадиной стоянки.

Погода была прекрасная, и с вечерней прогулки мы с малышом вернулись домой уже в девятом часу. Мася погулял бы еще, на улице было пока светло, но я должна приготовить ужин к возвращению Коляна из спортивного зала. По вторникам он с друзьями-коллегами сразу после работы ходит играть в волейбол, мотивируя это необходимостью бороться за стройность фигуры, которой явно не на пользу сидячая работа за компьютером. Из спортзала муж приходит голодный, как тигр, и в один присест сметает такое количество еды, которого хватило бы на суточное пропитание населению небольшой вьетнамской деревушки. В этот момент необходимость борьбы за стройность фигуры отступает даже не на второй, а на третий план, потому что на втором оказывается потребность незамедлительно подкрепить подорванные силы здоровым сном.

В половине десятого Колян-большой и Колюшка-маленький завалились спать, оставив меня наедине с полной мойкой немытой посуды, скопившейся за целый день, начиная с завтрака. Я задумчиво смотрела на гору грязных тарелок, размышляя, помыть ли их прямо сейчас или подождать до завтра? Решила, что ничего страшного не случится, если я отложу процесс до утра, а сейчас тоже улягусь в кроватку. А то, может статься, малыш, уснувший раньше обычного, проснется с опережением графика, часиков в шесть...

В этот момент зазвенел телефон. Опасаясь, что звонок разбудит ребенка, я в два прыжка переместилась из кухни в прихожую, к висящему на стене телефонному аппарату, и сорвала с рычага трубку.

– Да! – вполголоса рявкнула я.

– Ленка! – рыдая, воскликнула Ирка. – Ленка, я ее убила!

– Кого убила? – Я понизила голос до шепота.

– Фаню!

Я немного помолчала, лихорадочно соображая, кто такая Фаня? Среди моих знакомых, кажется, нет никого с таким именем...

– Кто эта Фаня? – спросила я.

– Фаня-то? Да змея! – сердито сказала Ирка, шумно шмыгая носом.

– То есть она такая нехорошая, что заслужила, чтобы ее убили? – уточнила я, все еще ничего не понимая. – А лично тебе она чем помешала?

В голове моей одна за другой, как вагоны скорого поезда, проносились разные мысли. Может, Фаней звали тут бабу, которая жила на Школьной, восемь? Хотя нет, та была Аделаида. Или Фаня – это ее прозвище?

– Ничего себе, чем она мне помешала! – вскричала Ирка, явно недовольная тем, что не находит у меня сочувствия. – Да она выскочила прямо на меня, когда я ничего подобного не ожидала! Я испугалась просто до умопомрачения!

– Невменяемое состояние – это хорошо, на этом можно строить защиту, – заметила я.

– Хорошо еще у меня в руках была лопата! – продолжала Ирка, не слушая меня.

– Лопата – это уже хуже, – пробормотала я. – Вломиться в чужой дом с лопатой – это уже похоже на предумышленное...

– В какой дом? – не поняла подруга. – Это она ко мне вломила! Шурхнула через малинник, прямо как стрела!

«Значит, все-таки речь идет о соседской покойнице, – подумала я. – Малинник у Ирки как раз на дальней стороне участка, на рубеже со Школьной, восемь»...

– Ты ее оглушила? – спросила я вслух. – Я имею в виду дала лопатой по голове?

Мысленно я уже построила ретроспективу событий. Значит, так: тетка-соседка за какой-то надобностью сунулась в Иркин двор, а гостеприимная хозяйка встретила незваную гостью во всеоружии – с шанцевым инструментом наперевес. С перепугу треснула чужую бабу лопатой по голове, потом оттащила огородами обратно на Школьную, восемь, а там уложила в ванну с водой – вроде баба сама утонула...

– Оглушила? – повторила Ирка. – Нет, я ее перерубила пополам!

Воображаемая картинка поплыла у меня перед глазами. Ничего себе, это же самая настоящая расчлененка получается! Интересно, как Ирка предполагала выдать подобные страсти-мордасти за несчастный случай? Типа, брила баба в ванне ноги опасной бритвой да и промахнулась, сделала себе хакакири?!

– А теперь мне ее жалко, – призналась подруга. – Знаешь, какая она была красивая? Вся синяя и в золотых кольцах!

Я представила себе синий труп, щедро украшенный ювелирными украшениями, и у меня задрожали ноги. Ничего не говоря Ирке, я положила телефонную трубку на тумбочку и сходила в кухню за табуреткой. Села на нее, трясущейся рукой снова поднесла трубку к уху и поняла, что пропустила что-то важное.

– ...похожа на декоративный шланг к поливальной установке, который Моржик привез из Голландии, – рассказывала Ирка. – Он тоже ярко-голубой с поперечными желтыми полосочками. Собственно, потому-то я и испугалась, когда ее увидела: подумала, что шланг ожил! Представляешь, какое сумасшествие? Мне сначала и в голову не пришло, что это не шланг, а змея, я только потом, когда ее прикончила, сообразила, что к чему!

Наконец-то и я это сообразила!

– Ирка, так ты убила лопатой змею?! – обрадованно закричала я.

– Чего ты орешь? Я тебе об этом уже минут пять твержу! Разрубила лопатой на куски, потом поняла, что ухлопала какого-то очень редкого гада, и сразу позвонила Веньке. Ох, видела бы ты, как он над этой Фаней причитал – куда там наемным плакальщицам! Он мне пол-огорода слезами залил, можно дня два поливалку не включать!

Я слушала Иркину болтовню, идиотски улыбаясь. Венька – это наш общий приятель, биолог по образованию и дед Мазай по складу характера. Вот уже много лет он сердобольно подбирает всяческую бесхозную живность в диапазоне от хромого галчонка до молодой анаконды и всякой твари старается создать максимально комфортные условия проживания. В результате дом, в котором живет Венька со своим зверинцем, бесконечно достраивается и перестраивается и имеет явное сходство с перенаселенным сказочным теремком.

– Слушай, а откуда ты узнала, что ее Фаней звали? – спросила я. – Или это так змеиная порода называется?

– Не-а, порода у нее какая-то хитрая, я сейчас и не вспомню, – ответила Ирка. – Венька сказал что-то вроде: «Кто-то там где-то тамский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.